

© 1998 г. К.А. ПЕРЕВЕРЗЕВ

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И СИТУАЦИЯ: ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА*

I

Проблема "высказывание и ситуация" не нова. Она постоянно возникала в лингвистике, философии, логике, философии языка и логическом анализе и не перестает беспокоить специалистов названных областей. За длительную историю постановки этой проблемы намечилось несколько путей ее конкретизации. Ее заместили комплексы проблем. Они следующие: (1) общие принципы концептуализации действительности и вопросы онтологии – предметной области приложения естественного языка; (2) понятия "мир", "ситуация" в философском, логическом и лингвистическом аспектах, формы проявления этих понятий в языке и их эвристическая ценность как элементов метаязыка философской логики, философии языка и лингвистики; (3) особенности восприятия и фактор знания (информированности) о действительности в формировании высказывания и его связи с ситуацией (миром); (4) вопросы референции предложения, его компонентов и производных от него имен и конструкций; (5) проблема истинности высказывания и вопросы тождества.

Настоящая статья посвящена тем сторонам взаимоотношения языковых единиц и описываемых ими реалий, которые составляют предмет исследования в логико-философских концепциях языка. Основное внимание мы уделим первым четырем проблемам из приведенного выше списка. (Последний, пятый, пункт к философии языка и лингвистике отношения не имеет: это проблема логики.) А главным вопросом (который можно считать универсальным для всей перечисленной проблематики) будет вопрос об объеме и границах лингвистической онтологии.

В качестве исходных мы принимаем следующие допущения: (1) о первичной роли фактов языка как средства концептуализации мира в установлении номенклатуры, структуры и способов связи онтологических объектов; и (2) о существовании внутри языковой системы особых областей ("подсистем", "подъязыков", или "дискурсов" – в смысле Ю.С. Степанова [Степанов 1994; 1995]), в терминах которых описываются конфигурации этих объектов, т.е. особых "языков объектов", на которых о них говорят¹.

Начнем с истории проблемы. Начальной датой в ее хронологии будем считать 1880-е годы (если не прямо 1880-й г.), когда одновременно и независимо друг от друга появились две сопряженные работы – М.И. Каринского в России и Г. Пауля в Германии.

М.И. Каринский ("Классификация выводов"), рассматривая проблему с точки зрения логики, фактически – хотя и в других терминах – указывал на то, что субъект и предикат неодинаково ориентируют суждение в экстралингвистическом пространстве.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 97-06-80095.

¹ Попутно заметим, что выражение "язык объектов" здесь, конечно, не тождественно термину "объектный язык", применявшемуся в логико-лингвистических концепциях неопозитивистов 1930–40-х гг.

В субъекте суждение соотносится с "миром", а в предикате – с мыслью о мире; иначе: субъект устанавливает связь суждения с материальным, вещным миром, а предикат – с ментальным миром. "Определенное понятие, – писал М.И. Каринский, – соединяемое с термином подлежащего, вовсе не есть субъект суждения, а представляет только некоторые из его свойств и отношений и имеет особое назначение выделять этот предмет из других, указывать на него". Напротив, предикат указывает "признак, теперь прилагаемый к предмету, все равно на основании ли только что сейчас добытых нами сведений о нем, или на основании сведений, приобретенных нами ранее" [Каринский 1956: 62]. Г. Пауль как истинный "младограмматик" в соответствии с младограмматической теорией последовательно "удваивает" значение терминов "предложение", "субъект", "предикат", разлагая его на психологическое содержание, с одной стороны, и на логико-языковое – с другой [Пауль 1960].

Можно сказать, что в этих подходах, а особенно у М.И. Каринского, в начальной форме, синкретически, представлено все последующее разложение проблемы: разделение семантики и референции; противопоставление имен и дескрипций; оппозиции суждений (а также их частей) по "знанию через описание" и "знанию через непосредственное знакомство" и т.д.

Следующим этапом истории условимся считать некоторые тезисы Л. Витгенштейна и 1921 год – время выхода его "Логико-философского трактата", где частные формулировки проблемы "высказывание и ситуация" были обобщены тезисной формулой: "Конфигурация простых знаков в знаке-предложении соответствует конфигурации объектов в определенной ситуации" [Витгенштейн 1994: 12, 3.21]. С проникновением в лингвистику логико-философских идей, в нее вошли идеи Витгенштейна. Восприняв указанный тезис, лингвистика не приняла его.

Для логики, однако, эта формула сыграла роль инструкции в создании новых теорий. А основанная на ней концепция языка – "образная модель языка", – с установлением пределов ее применимости, была объявлена "одной из моделей функционирования нашего (имеется в виду естественного – К.П.) языка" [Хинтиikka 1980: 54]. В недавней работе Е.Д. Смирновой этот круг вопросов поднимается вновь. Автор пишет: "Ключом к принимаемому истолкованию предложения служит *особая трактовка образа и отношения отображения*. Речь идет не о "сходстве", "похожести" образа и отображаемого, а о *конструировании согласно правилу*. Образ понимается как модель, проекция, и правило является законом проекции" [Смирнова 1996: 295]; "Правила, относящиеся к пропозициональному знаку... таковы, что предложение должно порождать то, что он [Витгенштейн] называет связью вещей (Sachverhalt)" [Там же: 296]. Трактовка предложения у Витгенштейна стимулировала создание различных по своей "идеологии" теоретико-модельных семантик – семантики возможных миров [Хинтиikka 1980] и разных версий ситуационной семантики (см., например [Barwise 1989; ST 1993]).

Теперь обратимся к положению дел в лингвистике. Здесь витгенштейновский тезис был снят, но его презумптивная часть устояла. Это была мысль, высказанная еще М.И. Каринским, о необходимой связи высказывания с миром. Она приобретала, например, такую формулировку: «Референтом высказывания является ситуация, т.е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент "сказывания" и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак 1973: 358]. Внимание к синтаксическому аспекту этого отношения вылилось в создание денотативной (референтной) концепции значения предложения. (Ее обзор представлен в работе [Арутюнова 1976: 6–9].)

Итак, "чувство реальности" не покинуло лингвистику. Оно упрочилось и с переносом в лингвистику вопросов референции, и особенно – наиболее спорных аспектов этой теории: референции предиката и выражений с непредметными значениями (ср. [Падучева 1986; Арутюнова 1988: 153–154]). Однако, в отличие от логики, в лингвистической традиции исследование референтной функции высказывания не подчи-

нялось задаче его квалификации в терминах истины и лжи. Классическое определение истины (сформулированное еще в логике Аристотеля) состояло в простом соотношении содержания суждения (высказывания) и положения дел, что делало истинность малопривлекательным понятием для лингвистики.

Обратившись к проблемам референции, лингвистика во многом унаследовала пути анализа и понятийный аппарат, уже сложившиеся к этому времени в логических исследованиях. В самой же логике наблюдались аналогичные тенденции в области метода: логический анализ стал сопровождаться переводом проблемы в план языка с естественным подключением на этом этапе лингвистической методики. Результаты такого взаимодействия известны. Логический анализ каузальных отношений, перенесенный в область языковых выражений причинности и, в частности, в сферу их дистрибуции, дал лингвистике новую семантическую категорию – "факт" – и оппозицию "факт vs. событие". Но ведь введение этого противопоставления в онтологию причинности началось с определения ему места в онтологии естественного языка. Таково было направление поиска З. Вендлера [Вендлер 1986]. И этот поиск нельзя считать завершенным; ср. недавние работы [Степанов 1995; Asher 1993].

Открытие категории "факт" не только помогло исследователям в определении референтного статуса целого класса выражений языка – неполных пропозитивных номинализаций (и их смысловых эквивалентов). Оно в очередной раз продемонстрировало ущербность понятий онтологического круга в лингвистическом метаязыке. Стало очевидно, что отрезок действительного мира нельзя называть "событием", как и факты реальной жизни (которым, заметим, отводилось место в исследованиях языка: ср. понятие факта у Рассела) – "фактом". И то, что можно назвать "ситуацией", не сводится к сумме "сырых" фактов, действий, состояний, процессов или событий. Лингвистике должны быть малоинтересны данные "беспристрастной" действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обретается "за окном", а то, что конструируется (концептуализуется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве.

Взгляды субъекта на мир многообразны. Достижения лингвистических и логических систем в числе прочего состояли и в изобретении способов для их различения. В истории наук этому сопутствовало осознание одного важного положения. В философской логике значительный вклад в его оформление внесли Г. Фреге и Э. Гуссерль. Их работы были направлены против психологического направления, сложившегося в логике XIX в. Коротко говоря, суть этой установки, разделяемой многими современными исследователями, в следующем. В наблюдениях над действительностью, получении информации и высказываниях о ней реализуются две фундаментальные способности человека – восприятие и речь. В их формальном представлении на передний план выступает фигура познающего субъекта. Однако анализом биологических и психических механизмов получения, хранения и обработки знаний ни логика, ни лингвистика не занимаются. Классическая логика всегда рассматривала знание в связи с правилами логического вывода и способами рассуждения – в отвлечении от психических структур сознания [Смирнова 1996]. В лингвистической философии и логическом анализе проблемы знания и его субъекта вылились в анализ эпистемических контекстов и эпистемологических координат суждений (высказываний) в соотносительности с общим фоном разноплановых знаний субъекта. Не остался без внимания и тот факт, что в речи человек стремится не только к отражению действительности, но и к самовыражению. Его осознанию во многом способствовало появление прагматики. На сегодняшний день во всех областях, претендующих на логическую формализацию результатов собственных исследований, распространилась идеология логических моделей, возникшая как реакция на недостатки психологизированных теорий [Петров, Переверзев 1993: 7–12]. Она опирается на способы фиксации в языке внутренних состояний субъекта, но отвлекается от конкретных обстоятельств использования языка для выражения отдельных внутренних состояний.

Итак, индивидуализация речи связана с конкретными прагматическими условиями употребления языка. Напротив, индивидуализация восприятия и знания – логические параметры, стимулирующие обращение исследователей к логической организации высказываний в аспекте пропозициональных установок, ответственных за отнесенность содержания высказываний к миру. Переключение интереса логиков со структуры пропозиции на ее модальное окружение означало конец "домодальной эры" в логической семантике. Прагматизация логических теорий началась с ревизии главного для логики понятия истинности и предела онтологии. Поворот "от фактов к факторам" – условиям, месту, времени высказываний, лицам, их высказывающим, фактору знания и прочим "обстоятельствам" – не только в очередной раз создал опасность узкоэмпирического, психологического истолкования логики, но – в рамках логического представления высказывания – обогатил логику новыми выразительными возможностями. Отказ от корреспондирующей концепции истины предложения и релятивизация этого понятия на множестве возможных миров; введение возможного мира в качестве универсального объекта рассмотрения, имеющего свой язык, – эти и другие успехи логики способствовали ее сближению с лингвистикой. Настоящая статья задумана как развитие логико-лингвистической и эпистемологической проблематики возможного мира.

* * *

Наш разговор о восприятии и получении информации в разделах II и III будет происходить одновременно в двух уровнях. С одной стороны, его предметом являются перцептивные ситуации и уровни знаний, а с другой – способы представления этих явлений и экстраполяция полученной модели эпистемических структур в метатеорию философии языка и лингвистики.

Несколько слов об основных понятиях и терминах. Термины "событие" и "факт" употребляются нами как имена логико-семантических категорий и как названия соотносительных с этими категориями типов онтологических объектов. Их смысл конвенционализован.

Понятие "возможный мир" взято нами в качестве исходного в том виде, какой оно приобрело в семантике возможных миров. Возможными мирами мы называем ментальные модели действительного (или воображаемого) мира, возникающие в ситуациях восприятия, получения информации и построения высказывания и существующие в полном описании мира на правах альтернатив. Для обозначения информационных процессов, имеющих место при восприятии мира и обуславливающих пути его концептуализации (и внутреннее содержание ментальной модели), мы используем термин *эпистемический мир*. Описание мира – *семантический мир* – состоит из отдельных выражений, принадлежащих разным аспектам структуры высказывания, или множества таких выражений, гармонизированных между собой в системе, или дискурсе. Их конфигурация определяет языковые рамки и формы выражения возможного мира [Степанов 1995]. Мы получили три системы терминов. Атрибуты "возможный", "эпистемический" и "семантический" в названии объекта есть смысл употреблять рядоположно, пока нет необходимости их разделять. Но они не синонимичны: за каждым термином стоит особая сторона объекта – мира.

Использование понятий возможного, эпистемического и семантического мира дает нам способ систематического изучения как заявленной в названии статьи проблемы, так и смежных с ней аспектов метатеории – предметной области (онтологии) лингвистики и философии языка, новых принципов классификации языковых значений, лингвистической части теории референции и др.

Пусть у читателя при знакомстве со статьей не создается впечатление чрезмерной увлеченности ее автора "миропорождением". На самом деле "возможные миры" не столь многочисленны, сколько разнообразны в статье их названия. Их ряды не беспредельны: выражения "мир-1", "мир-3", "мир планеты Венера", "мир полного знания" и

т.п., встречающиеся всюду по тексту, – суть лишь этикетки, создаваемые ad hoc для удобства описания. Их пестрота вызвана нашей потребностью не просто наметить конфигурации онтологических, эпистемологических и семантических сущностей, но и, с большей долей детализации, показать различия во внутренней организации конфигураций. Большое число "миров" также объясняется разнородностью привлекаемого в статью языкового материала. И в конечном счете оно легко поддается редукции. Миры "складываются", подобно матрешке: более универсальные, семантически и онтологически значимые понятия, наделяемые категориальным статусом, включают более мелкие, область приложения которых – класс или даже отдельная группа объектов. Так, "мир планеты Венера" – в том смысле, какой мы вкладываем в это выражение и стоящее за ним понятие, – это конкретное проявление семантических черт "мира полного знания" в области именных классификаций. Точнее – в той подобласти имен, которая представлена выражением планета Венера и противопоставленными ему – Утренняя звезда, Вечерняя звезда, Геспер и Фосфор. В сфере синтаксиса каузальных отношений, а также в эпистемических вариациях самого принципа причинности "миру полного знания" соответствует, в нашем изложении, "мир-1". Здесь же другие индексы при слове мир – "2" и "3" – призваны отграничить онтологические и семантические последствия наступления иных эпистемических состояний, т.е. отделить миры и ситуации в какой-то степени ограниченного знания. В применении "бритвы Оккама" может быть выбран щадящий режим.

II

Переход от наблюдаемой ситуации к формам субъектно-предикатной структуры суждения и высказывания в актуальной коммуникации поэтапен. Начальные этапы – этапы восприятия (получения информации) и концептуализации ситуации – дают толчок умножению альтернативных способов ее языкового обозначения. Именно поэтому говорят, что одна реальная ситуация может получать разные речевые номинации сколь угодно большое число раз, оставаясь – все в том же реальном мире – тождественной самой себе.

Сначала мы хотим, отбросив содержательные аспекты этих этапов, обратить внимание на способ их лингвистического представления. В известных работах они моделируются в логических терминах. (Разумеется, речь идет лишь о лингвистически релевантных моделях этого процесса, в отвлечении от психологической конкретики – описаний операциональных механизмов мозга, памяти и др.) Зависимость от логического аппарата отчетливо видна в описаниях условного результата начальных этапов – "языкового" продукта, получаемого на выходе сконструированной исследователем модели. Например, в работе М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрика [Бергельсон, Кибрик 1981: 346]: "Различные способы восприятия одного и того же фрагмента действительности связаны между собой определенными логическими отношениями (выделено мной. – К.П.), исчисление которых представляет, по видимому, одну из наиболее трудных задач в описании человеческого поведения". Этот фрагмент (как и статья М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрика в целом) актуализирует в ситуации восприятия лишь те ее элементы, которые имеют непосредственное отношение к механизмам языковой номинации фрагмента действительности, с одной стороны, и к функционированию последних в речи, с другой. Неотмеченным же остается другой фокус интересующей нас проблемы, а именно: соотношение фрагмента действительности, способа его восприятия и динамики получаемых информационных структур. С этим фокусом проблемы согласуется и следующее теоретическое допущение – о роли языковых форм выражения отрезка действительности (в частном случае – роли предложений) в представлении способов и результатов восприятия.

В поисках логической модели восприятия (модели целостной проблемной ситуации) мы обратимся к логике. Напомним, что мы разделяем мнение ведущих "лингво-логиков": "Необходима не прямая формализация всех мыслимых и немисли-

мых внутренних состояний (субъекта речи. — К.П.), а логическая модель этих состояний и всего "внутреннего мира" интеллектуального субъекта в целом" [Петров, Переверзев 1993: 12]. Классическими в плане разработки репрезентативной логики восприятия можно считать работы Я. Хинтикки, например известную его работу [Хинтикка 1975]. Главным в его концепции является следующее положение: "Можно сказать, что установление того, что некто, скажем, *a*, воспринимает, означает описание мира, соответствующего его восприятию" [Хинтикка 1975: 40]. В другой работе он пишет: "Вряд ли мы поймем способ функционирования нашего языка (здесь Хинтикка говорит о естественном языке, равно как и о языке первопорядковой логики. — К.П.), если предварительно глубоко не разберемся в логике процессов, посредством которых мы устанавливаем, соответствуют или не соответствуют те или иные бесконечные образы (образы действительности, или "модельные множества", полученные на основе предложений естественного языка или их логических представлений. — К.П.) тому фрагменту мира, к которому они относятся" [Хинтикка 1980: 54].

Итак, от философской проблемы восприятия Хинтиккой ставится в зависимость ряд сугубо логических проблем — квантификация атомарных предложений, их проекция на реальность, постулирование и построение модельных множеств и взаимоотношения последних с миром и т.п. Точнее, такая зависимость естественно проистекает не от содержательного сходства этих проблем с проблемой восприятия, а от понятийного аппарата, разработанного для описания восприятия. Действительно, в вопрос об объекте — восприятии — включается проблематика логического представления данного объекта, т.е. проблема его метаязыка (что, вообще говоря, типично для логики). В центре проблемной ситуации для исследователя фактически оказываются не логический анализ философской проблемы, а вопросы метода и методики его проведения. Полученный в этой области концептуальный аппарат Хинтикка надеется использовать — и в результате успешно использует — в метатеории первопорядковой логики. Это позволяет ему сформулировать следующее важное положение: "Все, что имеется (в принципе) в восприятии (на данном уровне *а н а л и з а*), является характеристикой информации, а это равнозначно характеристике множества миров, совместимых с тем, что воспринято" [Хинтикка 1975: 41; Выделено мной. — К.П.]. В этом модельном представлении следует особо подчеркнуть логику его развертывания, его динамику (которая в частном случае может отождествляться с "деревом ветвления" миров, по Хинтикке).

Именно в аспекте этого, динамического, метода хинтикковы "модельные множества" и "возможные положения дел (миры)" представляют значительный интерес — как для решения частной задачи логических отношений способов восприятия, так и для более фундаментальных проблем. Сфера применения этих понятий может быть распространена на классификацию результатов восприятия ситуации (типов знаний о ней), способов языкового выражения этих знаний, на семантику языковых выражений и на механизмы вербального поведения в целом. С динамическим аспектом восприятия мы сопоставляем лингвистический процесс — **вы б о р а л ь т е р н а т и в**.

* * *

Под "альтернативами" понимаются наличные в системе языка противопоставленные способы выражения "одной и той же" наблюдаемой ситуации. "Одно и то же" определяется с точки зрения исследователя, при учете исследователем фигуры субъекта речи и прочих сопутствующих произнесению высказывания факторов. Выбор между альтернативами и есть лингвистическое (модельное) представление динамики ситуации с позиции общения говорящего и слушающего. Но прежде остановимся на некоторых принципах типологии альтернатив.

Человеческое поведение интенционально. Интенциональность речевых поступков проявляется в речевых предпочтениях, выборе из "мира альтернатив". Будучи санкционированным принятыми в обществе поведенческими конвенциями, целепола-

гание в значительной мере объективно ограничено возможностями человеческого духа и тела. В этом смысле в акте целеполагания должно различать следование поведенческим канонам и умение извлекать из действительности включаемую в сообщение информацию, а в описании такого акта – разводить прагматику и эпистемологию ситуации. Обращенность языка к потребностям коммуникации, с одной стороны, и возможностям восприятия, с другой, демонстрируется наличием в его системе альтернативных способов для обозначения одного и того же наблюдаемого явления – альтернатив на уровне типов предикатов (пропозициональных функций), пропозиций и имен (терминов) в их составе. С позиции системы языка решение поставленной проблемы – отношения способов восприятия одного и того же фрагмента действительности – видится в выделении и описании языковых альтернатив разных типов. Преимущество обращения к данным языка очевидно. Суть этого исследовательского пути – в референции не к структурам человеческой психики, а к реально зафиксированным в форме языковых выражений объектам². Недостаток первых в том, что они обретают реальность лишь в контексте психологического эксперимента, тогда как интересующие нас вторые онтологичны: будучи конкретизированными в языке, они принадлежат миру, воспринимаемому и в какой-то мере "создаваемому" человеком, при этом составляя – наряду с языковым – компоненты человеческого сознания.

Далее, говоря о восприятии ситуации, уровнях знания и онтологическом аспекте языка, мы будем апеллировать к трем типам онтологических объектов: это возможные (эпистемические, семантические) ситуации и миры, факты и события. На вычленении этих и других онтологических сущностей и выяснении имеющихся между ними отношений долгое время оттачивался аппарат логической семантики. Однако расхождения авторских систем не ограничивались вопросами номенклатуры онтологических единиц. Гораздо более тонкие различия систем одного или разных авторов в другом. Философы и специалисты по логическому анализу по-разному полагали (если только признавали) связь открываемых ими онтологических реалий с языком и проблемами языка. Именно этими расхождениями и вызвана главная особенность подхода к этой проблематике в современной философии языка. Этим обусловлены и особенности настоящего текста, посвященного в рамках проблемы "высказывание и ситуация" вопросам лингвистической онтологии (а не онтологиям философских или логических течений). Мы вынуждены игнорировать многие содержательные философски значимые аспекты привлекаемых в статью идей и направлений. В нашем изложении позволено ограничиться актуализацией в них лишь тех фрагментов, которые сближают на более высоком уровне обобщения некогда противопоставленные (или даже лишенные качества сопоставимости, "несоизмеримые") теории между собой и одновременно гармонируют с современными философскими подходами к языку.

Обращение к миру у философии языка – в ее стремлении проникнуть в сложный мир семантики языковых выражений – носит отчасти "примиряющий" разные и часто противоположные онтологические подходы характер. То, что в истории философии и логического анализа оказывалось объектом полемических реакций, а также сами противостоявшие теории в своих некритических (позитивных) частях – в современной философии языка сосуществуют (ср. "несуществующие объекты" (nonexistents) А. Мейнонга и теорию дескрипций Б. Рассела, "антирасселовский" дух многих направлений логической семантики и т.д.; из работ металогического характера упомянем [Сааринен 1986] и недавнее исследование [Лусан 1994]). Была изоляция отдельных логико-философских идей и направлений, часто по причине их – для того времени – "несоизмеримости" с другими, сменилась современными идеями их синтеза и объеди-

² Предпочтительность этого шага была осознана в философии языка со времен Г. Фреге. М. Даммит приписывает Фреге следующие три тезиса: "во-первых, целью философии является анализ структуры мысли (thought); во-вторых, изучение мысли должно быть четко отделено от изучения психологического процесса мышления (thinking); и, наконец, единственно правильный метод анализирования мысли состоит в анализе языка" (цит. по: [Wettstein 1991: 123]).

нения применительно к новой области знания. И, разумеется, стремясь к компромиссным решениям, в "поисках мира" философы языка исходят из самой системы языковых выражений.

К онтологическим объектам можно отнести не только возможные, или эпистемические, миры, но и предметы, заполняющие, "населяющие" каждый мир. К ним осуществляют референцию компоненты высказывания с предметным значением. Возможные миры состоят из возможных объектов и возможных атрибутов, касающихся связей-отношений объектов. Любое описание возможного мира неосуществимо без обращения к его конституентам – объектам и атрибутам. Последние образуют возможные ситуации ("фрагменты" мира), хотя провести линию, разделяющую ситуацию и мир как часть и целое, довольно трудно³.

* * *

Вернемся к проблеме, поставленной в начале этого раздела. В ее развитии мы подошли к тезису о диагностичности альтернативных форм языка для наших заключений о способах восприятия одного и того же фрагмента действительности. И здесь мы снова сталкиваемся с проблемой метода. Сформулируем наш вопрос так: каковы исходные для философии языка теоретические допущения при таком взгляде на отношения имен, предикатов и пропозиций и внутреннее устройство их альтернатив?

Находясь в сфере пересечения исследовательских интересов, как мы видим, по крайней мере трех областей знания – лингвистики, логики и эпистемологии, – процедура классификации языковых выражений и типов их альтернатив имеет не собственно лингвистический, а логико-лингвистический характер. Она отвлечена от принадлежности каждой альтернативы (типа альтернатив) и ее составляющих определенному аспекту структуры высказывания. В этом случае выделение в высказывании аспектов (имен, предиката и пропозиции) скорее имеет методическую цель: оно обусловлено технической стороной нашего описания. К тому же во многих дескриптивных системах различение уровней приложения концептуального аппарата стирается, например в логической системе Г. Фреге (см. ниже).

Альтернативы внутри классов имен, типов предикатов и пропозициональных функций могут рассматриваться совместно, если имеют общее устройство. И з о м о р ф н ы м и мы будем считать языковые альтернативы, принадлежащие разным аспектам высказывания, если им соответствуют однотипные (альтернативные) отношения в структуре онтологических объектов (например, возможных объектов для альтернирующих имен или возможных миров для альтернативных предикатов и пропозиций). Изоморфизм языковых оппозиций тогда мотивирован тем, что их дифференциальные признаки замыкаются на ситуации получения информации (т.е. в конечном счете на говорящем) и на структуре описываемых ими внеязыковых реалий (конструируемых языком онтологических объектов)⁴. В ментальном мире говорящего единожды увиденное

³ Естественно, что в лингвистическую онтологию линия, разделяющая эти объекты, должна проецироваться из структуры описывающих мир и ситуацию языковых выражений. Поэтому проблема состоит не в различении объемов самих онтологических объектов, а в выяснении того, какие формы языка служат обозначениями мира, какие – ситуации; в структуре каких выражений эти две функции пересекаются и где в последнем случае на уровне структуры высказывания видны границы каждой. И такие попытки (независимо от логико-философской проблематики) лингвистике известны. Здесь мы только назовем две из них. Своим появлением обе теории обязаны отношениям в области обстоятельственно-атрибутивных компонентов предложения (пропозиции). Это синтаксическая теория обстоятельственных детерминантов Н.Ю. Шведовой [РГ: § 2045 и сл.] и семантическое разграничение "миропорождающих обстоятельств" и собственно-обстоятельств (или: "локативных обстоятельств") И.М. Богуславским [1996: 441–450].

⁴ Такую дуалистическую ориентированность естественного языка стремятся перенять – в качестве общего принципа своей организации – формальные языки логики и постулируемые логикой законы. Хотя, разумеется, фактор субъекта здесь ограничен сугубо логическими параметрами. Е.Д. Смирнова, резюмируя

могло по-разному "произойти", происшедшее фиксируется, "изымается" из действительности и идентифицируется – становится для говорящего событием или делается фактом, после чего входит в коммуникацию. Прагматическая информация, уровень знаний и законы познания, единые для всего акта сообщения, распространяются на все высказывание.

Сразу подчеркнем, что прагматику мы ограничиваем вопросами использования высказывания в актуальной коммуникации – в отношении к целям говорящего, но безотносительно к процессам восприятия. Прагматика языковых выражений не несет онтологической нагрузки. В самом деле, при таком понимании она ничего не говорит о мире, а ее удел – сообщать о коммуникативном взаимоотношении людей. Говоря об альтернативах языковых выражений, ниже мы планируем отвлечься от не имеющих выхода в онтологию их прагматических характеристик.

Итак, мы убеждены, что типы альтернатив различаются не по конструктивной роли в высказывании, а другими признаками, отсылающими к категориям ментального плана и конструируемой языком "реальности", – своей предназначенностью для отражения нюансов восприятия, понимаемого как получение информации, уровня знания о действительности, характера этого знания (типа информации). Рассматриваемые ниже признаки в языке имеют онтологический статус: они разграничивают "схваченные" средствами языковых выражений типы осмысления мира. Некоторые из этих параметров уже осмыслились в другой связи, частью – лингвистикой, а также в философских, эпистемологических и логических системах, и потому могут быть извлечены в готовом виде из философских понятий и категорий логики и эпистемологии. Разные типы оппозиций языковых выражений – имен, пропозиций, пропозитивных номинализаций – имеют традиции изучения на стыке логики, эпистемологии, философии и лингвистики. Предлагаемый ниже онтологический поворот в их осмыслении вызван нашей убежденностью в том, что описание типов альтернирующих выражений не исчерпывается указанием на внутренние смыслы соответствующих языковых форм. Для него необходим универсальный критерий, позволяющий учесть – помимо языковых значений – заключенные в них модели освоенного языком и познанного человеком мира (модели онтологии). Мы избираем критерий логическо-семантический. Типы онтологических объектов и их различительные параметры, многомерность и "многомирность" пространства исследовательской онтологии – будут вкладом логики в аппарат философии языка.

Вклад другой дисциплины – эпистемологии – в философию языка мы не ограничиваем привнесенным ею параметром знания. Он выражается еще и в сообщении этому параметру динамических черт: для различения альтернативных языковых выражений, способов получения информации и конструирования онтологических объектов философия языка использует динамические эпистемические модели. В свою очередь последние успели стать основой сравнительно нового направления – эпистемической логики (ср. [Cornelis 1995]). Эпистемология и эпистемическая логика в комплексе с семантикой возможных миров могут составить формализованный костяк исследовательского аппарата философии языка.

III

Теперь обратимся к типам оппозитивных языковых выражений, поочередно соотнося их с каждым из перечисленных типов онтологических объектов. Наш путь начнется в области пропозиций. Пропозицию (и ее костяк – имя и предикат) в разделе I мы рассматриваем в качестве языковой формы выражения возможного мира.

разговор о нормативном характере логических законов, отмечает: "Важно выявить, какие законы логики и способы рассуждения зависят от предметной области, от типа объектов рассмотрения, а какие – от познающего субъекта, от его концептуального аппарата, от используемых им понятий истинности, ложности, суждения, вывода" [Смирнова 1996: 14; разрядка наша – К.П.].

Внутрипропозитивным именным классификациям посвящен наш раздел 2. В разделе 3 мы уделим внимание производным пропозиции – пропозитивным номинализациям. Последние очерчивают рамки существования в языке двух других категорий – события и факта. Структура каждого раздела, таким образом, отражает различные аспекты взаимоотношения с е м а н т и к и (семантической стороны онтологических объектов) и э п и с т е м о л о г и и (знаний субъекта речи об объектах). Это противопоставление будет внутренней доминантой изложения.

1

Конкурирующие формы предикатов (в частном случае – глаголов) и пропозиций образуют в языке грамматические оппозиции. Применительно к процессам производства высказывания и в отношении к онтологическим объектам – возможным мирам – смысл предикатных оппозиций различен. Это можно показать на примере предикатов и пропозиций с различным объемом дифференциальных свойств. Составляющие одних оппозиций по-разному описывают устройство мира (т.е. их различия свидетельствуют о различиях в структуре онтологических объектов); другие предназначены исключительно для удобства сообщения о мире (подчинены речевому замыслу, коммуникативной стороне, прагматике речи). Мы выделим два типа языковых альтернатив в сфере предикатов (пропозиций). Оба типа подробно описывались, но не релятивизировались на основе онтологических признаков.

Об исходе матча можно говорить в терминах *победы и поражения*; о совершенной сделке – как о *купле и продаже*. В фокусе внимания могут оказаться действующий субъект ситуации или ее объект. Фокусировка внимания на одном из участников – важный механизм, определяющий тему сообщения и принцип ее развертывания в текст. Отношения таких пропозиций (пропозициональных функций) – в центре которых находятся предикаты конверсивной семантики либо предикаты, противопоставленные по залогу, – отвлечены от деталей восприятия и концептуализации. Эти отношения объясняются коммуникативной функцией языка. А выбор и использование одной из пропозиций в речи описывается в категориях прагматики. Здесь важен момент сохранности в выбранной пропозиции обстоятельств, а главное – участников происходящего: говоря о победе, не забывают о побежденном; сообщение о поражении сопровождается ссылкой на виновника; покупка имплицитно фигурирует продавца, как и продажа – фигуру покупателя и т.д. Выше мы сказали об особом "вне-онтологическом" статусе прагматической информации в языке. Разговор о подчиненных прагматике альтернативах мы не продолжаем.

Другой тип оппозиций – помимо сугубо коммуникативной (прагматической) нагрузки – несет также различия, напрямую не связанные с целями коммуникации. Эти оппозиции отражают информационные нюансы познавательной ситуации. Пример: *Маргарита смутно видела что-нибудь. Запомнились свечи и самоцветный какой-то бассейн* (М. Булгаков). Отсутствие знаний выражается в выборе предиката (*запомнились*). О полном незнании – "эпистемическом провале" – обычно сообщают безличной пропозицией: – *Как ты это все запомнил? – Да так, как-то запомнилось*. Ранжирование предикатов и пропозиций по семантической категории личности/безличности, конечно, может служить чисто речевым – прагматическим – целям (например, уходу от ответа). Нами оно рассматривается безотносительно к прагматике, как отражение в формах языка лимитов восприятия, факт эпистемологии и фактор лингвистической онтологии. А эта проблема имеет философско-логические основания и находится в ведении философии языка.

Категория личности/безличности предикатов имеет точки соприкосновения с определенностью референции в сфере имен. И здесь эпистемический фактор оказывается главным: разница между *Старик вошел в комнату*; *Какой-то старик вошел в комнату*; *Некто вошел в комнату* и *Нечто вошло* очевидна. В приведенной выше цитате из работы М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрика речь шла о несводимости механизмов

речевого поведения к сугубо прагматическим, скорее о пределах речевого замысла, чем об языках исполнения. Исследование оппозиций последнего типа состоит в выделении из них эпистемологического субстрата, непосредственно связанного как со способами мышления о мире, так и с формами семантической обработки получаемой о нем информации. Описать их – значит увязать языковые выражения с определенным видением мира и его ментальной моделью. Для этого нужно измерить их информационное содержание (меру вкладываемой в каждое альтернативное выражение информации).

* * *

Попытка наложить оппозитивные выражения на мир, посмотреть, с какими сущностями в структуре мира они соотносятся, равносильна онтологизации их семантических различий⁵. Зададимся вопросом: что меняет в мире фактор знания о нем? (Разумеется, здесь, как и прежде, речь идет не о реальном, воспринимаемом, мире, а о создаваемом человеческим сознанием, ментальном, мире.) Другая проблема: как отразить в описании альтернативных выражений смену эпистемических состояний говорящего субъекта и изменения модели мира, складывающейся в его сознании? Начнем опять-таки с оппозитивных языковых форм.

Фактор знания вносит в эти оппозиции идею контрфактичности. В логике контрфактическая связь ("если бы А, то бы В") в общем случае представляет собой расширение имплицативных отношений ("если А, то В"). Их различие в следующем. Импликация связывает явления одного мира. Вследствие этого она может быть оценена как истинная или ложная: позиция "оценивающего", пребывающего в действительном мире, сообщается здесь с миром явлений. Действие импликации распространяется на пространства одномирных моделей. Контрфактичность же оставляет зазор для возможного хода ненаблюдаемых событий. Ее содержательное отличие от логической импликации состоит в допущении сосуществования взаимоисключающих положений дел. Она выполняет миропорождающую функцию и допускает не истинностные, а вероятностные оценки с позиции мира "извне". Это онтологический прогноз, узаконенный логической моделью.

Позволим себе здесь небольшое отступление и поставим вопрос о месте этого понятия в онтологических моделях. Контрфактический элемент проникает в сценарий действий и состояний, ментальных и физических. Это – знак их двоения. Его экспликация представляет собой исследовательский прием и требует принятия определенного уровня абстракции от непосредственно наблюдаемого положения дел. Этот прием используется логиками (например, в логике изменения – *logic of change*), в философии действия, в художественном творчестве – всюду, где о ситуации говорит Наблюдатель, вездесущий и судящий, – он расширяет сферу познаваемых явлений, делая

⁵ "За" и "против" такого допущения широко обсуждались в философских сочинениях (ср. наиболее известные работы [Dretske 1979; Davidson 1980; Barwise 1989] и их критику в [Блинов. Петров 1991: ST 1993: Language 1994: 117–144; Buekens 1995]); из лингвистических работ см. [Демьянков 1983]. Здесь мы не можем подробно останавливаться на этом вопросе. Хотим подчеркнуть лишь следующее. Принято считать, что лингвистическому описанию отношений каких-либо двух типов предложений (пропозиций, высказываний) на определенном этапе позволительно ограничиваться простой констатацией того, называют ли они "одну ситуацию" или "разные ситуации". Аксиоматизация этого шага привела к тому, что вопрос о количестве обозначаемых ситуаций нередко используется исследователями как диагностический для выяснения положения данного типа отношений среди других, становится основанием для их сравнения. Например, оппозиция активных и пассивных конструкций обычно считается неизоморфной оппозиции каузативно-медиальной (представленной в современном языке глагольными парами типа *поить* – *пить*, *студить* – *стынуть*, *сыпать* – *сыпаться*, *отвязывать* – *отвязываться* и т.д.) в том числе и потому, что первая называет "одну ситуацию", тогда как члены второй – две "разные".

Мы предпочитаем говорить не о "разных ситуациях", но о разных ситуациях в дифференцирующем их эпистемическом контексте – об их связях (несводимых к логической дизъюнкции), динамике, взаимных переходах; не об "одной ситуации", но об отождествлении разных и т.д., используя эпистемический критерий различия языковых выражений.

наблюдателя причастным и их "теневой" стороне. Один из неформальных постулатов логики действий (и логики изменения) гласит: "Если некоторый фрагмент *H* поведения субъекта *a* является действием, то *a* имел возможность как совершить *H*, так и воздержаться от совершения *H*" [Блинов, Петров 1991: 18]. Логик и философ прибегают к пространственному представлению альтернативных ситуаций. Их модель акцентирует релевантные для полного мира его "генетические" и структурные характеристики. А наблюдение над множеством всех миров, совместимых с данным, ведется в рамках оговоренного временного среза.

Итак, в полном описании ситуации за моделью того, что реально имело место, должна стоять другая модель – "как если бы мир был иным", и эти миры равновесны. Они имеют общий "исторический" стержень (точку ветвления, из которой они развились). Это ставит их в отношение альтернирования. Таков, в первом приближении, исходный тезис семантики возможных миров.

Художественное соположение разносожетных пространств в литературе и искусстве высекает искру контрапункта. Но есть и другой прием. Воображение художника продуцирует также заключающие идею контрфактичности временные модели мира. "Сад расходящихся тропок" у Борхеса – это пространственная метафора онтологии, осложненной идеей многомирия. В основе борхесовской онтологии, однако, лежит не метафора пространства, а понятие времени. Из двух способов организации представлений о мире действительном и "других" мирах – пространственном и временном – для свободного от изысков логических формализмов мышления этот последний вариант кажется более предпочтительным. Предметом временных, как и пространственных, моделей являются контрфактические возможные миры. Но эти миры нелогического сорта. В отличие от логически возможных миров последние лишены параметра эпистемической доступности (достижимости). К ним обращаются, когда, наряду с сопряженностью одних художественных ходов и сюжетных линий, акцентируют смысловой отрыв и дистанцированность других, стирая общую для двух сюжетных линий "точку роста". Множество миров порождается автором по законам жизненной "логики" и канонам жанровой формы из одного сюжетного "сырья", но проследить эпистемические вехи этого пути невозможно: места контрфактических развилок невидны непосвященному наблюдателю. К таким мирам – в их предельном развитии – не подобрать логического ключа.

Затушевывая во взаимоисключающих сюжетных ходах логико-эпистемическую координату, автор ищет им поддержку в онтологии. Презумпцией этой онтологической модели является нелинейная и нециклическая трактовка темпоральности. В ней *время* уступает место *временам*. Конфигурация контрфактических миров повторяет изгибы канвы времен. Миры, подобно организующим их временным рядам, "сближаются, перекрещиваются или век за веком так и не пересекаются". "В большинстве этих времен, – продолжает персонаж Борхеса, – мы с вами не существуем; в каких-то существуете вы, а я – нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. В одном из них, когда счастливый случай выпал мне, вы явились в мой дом; в другом – вы, проходя по саду, нашли меня мертвым; в третьем – я произношу эти же слова, но сам я – призрак, призрак" [Борхес 1994: 328–329; курсив наш. – К.П.]. Временные траектории, как и пространства, характеризуются наборами субъектов, уникальными сюжетными завязками, коллизиями и исходами. В мире художника, независимо от разделяемой им модели, контрфактичности отведена сюжетообразующая роль.

Если в описании ситуации избрать позицию реального мира и одномирных моделей, то с допущением контрфактичности исследовательское пространство – как и в предшествующем типе моделей – удваивается. Однако теперь в нем внимание уделяется одному событийному ряду – событиям, которым случилось произойти и стать "действительными". Последние наделяются особым, "недиалогичным" статусом – взамен участия в диалоге альтернатив. Передний край картины неизменен: ведь вопреки нашим умственным прогнозам сыгранный сценарий жизни не поддается доработке. Он самодовлеющ и самодостаточен, хотя и не безусловен. Вероятно,

такую точку зрения разделял Витгенштейн, когда писал о неслучайности и ценности происходящего. Для него простой уход в контрфактический мир не отменяет реальных коллизий, а нередко негативный их характер не перестает быть таковым после воображаемого перевода стрелки на жизненном пути. Художественное сознание поместило эту идею в типологию художественных сюжетов и жанровых форм. В этом, в частности, суть жанра трагедии, которая – и этому нашел "оправдание" Витгенштейн в контексте своих философских рассуждений – ставит акцент на неизбежности реального. Сюжет трагедии линеаризован: в ней указание "пути отступления" девальвировало бы замысел жанра. Ср.: "Трагедия могла бы всегда начинаться словами: "Ничего бы не случилось, если бы..." (Если бы край его одежды не попал в машину?) Но ведь это односторонний взгляд на трагедию, позволяющий показать лишь то, что одна встреча способна изменить весь ход нашей жизни" [Витгенштейн 1994: 423].

Занимаясь моделью получения информации и подготовки сообщения, мы остаемся на позиции неединственности направления развития эпистемических событий. В нашем случае в антецедент контрфактических отношений попадают ситуации произнесения высказывания, различающиеся объемами знаний говорящего. В эти отношения (на правах консеквента) вступают и употребляемые в каждой ситуации типы языковых выражений. Появление в разговоре эпистемических состояний разной информационной глубины – "полного" и "ущербного" знания – одинаково возможно. Поэтому предполагается, что наряду с ситуацией первого типа, при других обстоятельствах, вероятно появление другой – ситуации нехватки информации. Каждое эпистемическое состояние предполагает построение ментальной модели мира разной степени полноты и детализованности. Хотя неполнота информации не имплицитно подразумевает отсутствия в ней деталей. Из поля зрения наблюдателя часто выпадают именно глобальные связи и отношения, действующие лица или их деяния. Здесь о положении дел если и можно сообщить, то приписать его действиям индивидуализованного субъекта невозможно. При описании такого эпистемического, возможного мира – "другого", в сравнении с информационно насыщенным миром, – говорящий отказывается от эпистемически нагруженных глаголов или референтно определенных имен и дескрипций в синтаксически независимой субъектной позиции, снимая с себя ответственность за истинность более "сильных" утверждений.

В этой ситуации, в частности, неупотребимы и грамматические формы, специализированные на выражение агентивных каузаций и агентивности в целом. Понижение роли агенса сопровождается экспансией в высказывание лексических и синтаксических форм безличности.

(Коротко коснемся в известном смысле противоположного акта восприятия. Допустим, что эпистемическая "непрозрачность" объявляется имманентным свойством всех действительных событий. Тогда имперсональность становится частью индивидуальной философии и жизненной логики. Она проявляется в стиле и через стиль: подчиняет себе стиль мышления и манеру поведения воспринимающего ситуацию субъекта. В таком случае даже полное знание ситуации не выражается в ее аналитическом портрете. Грамматическая категория безличности повышается в ранге. Она избирается автором одной из стилеобразующих черт. Особенность этого мировосприятия, не чуждого например М. Булгакову, удачно сформулирована в реплике его же персонажа: *Неужели вы скажете, что это он [человек] сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?* В этом случае открываемые эпистемологией законы не способны заполнить брешь, возникающую между актом восприятия ситуации и семантической моделью возможного мира в результирующем этот акт высказывании.)

Другие типы выражений меняют свои денотативные привязанности. Здесь мы проследим эпистемическую редукцию каузальных отношений, вплоть до "нулевой" эпистемической отметки – до исчезновения каузации и ее замещения связью другого типа. Во многом диагностическими на этом пути для нас

будут отголоски постепенного размывания принципа причинности в области сложных причинных предложений.

* * *

Известно, что сложные предложения причины – английские *for*- и *because*-предложения, как и русские *потому-что*- или *так-как*-конструкции – в типичном случае ориентированы на мир "полного" знания (назовем его "м и р - 1"). Это значит, что они называют цепочки экстенциональных событий, "объективные" или объективированные, в том виде, какими они открываются "стороннему наблюдателю". Пусть этому миру принадлежат английские и русские сложные предложения типа "В доме напротив был пожар, потому что случилось замыкание"; "Дженни сегодня нет, потому что она заболела"; "Кошка кричит, потому что ужасно голодна" и т.п.

В мире "неполного" знания (обозначим его как "м и р - 2"⁶) принцип причинности применяется в отношении модализованных объектов. Ими являются не открываемые нами связи событий во внешнем мире, а наши с у ж д е н и я и ментальные состояния по поводу событий. Следовательно, в высказываниях этого мира сообщают не о самом явлении, а об источнике знания (полагания) о нем. Например, предложение *Кошка кричит, потому что ужасно голодна* в этом мире будет перформировано следующим образом: *Думаю, что кошка ужасно голодна, потому что кричит*. Содержание "мира-1" экстенционально; информация "мира-2" касается интенциональных сущностей. В первом случае обосновывают доступное восприятию положение дел; во втором – его существование в аспекте суждения. Причины второго типа, как и причины из "мира-1", – и это важно подчеркнуть – говорящий ищет в мире, но информация о причинах "мира-2" принимает отчетливые субъективные коннотации.

Поверхностная структура выражений типа *Jenny isn't here, for I don't see her* не несет следов ослабления в них каузативной семантики, ср. выражение из "мира-1": *Jenny isn't here, for she's ill*. Она не требует предъявления глаголов пропозиционального отношения *I think / believe / say, that...* Тем не менее смысл этих предложений, в отличие от аналогичных из "мира-1", нормально воспринимается только в ситуации прямого говорения. (Не случайно в таких предложениях искал подтверждение своей перформативной гипотезы Дж. Росс.) Показательно, что аналогичное русское сообщение элиминирует каузативные смыслы и содержит эвиденциальное указание (ссылку на способ знания) в уступительном значении: *Петра здесь нет, во всяком случае я его не вижу* – скажем мы; ср. распространенную в разговорном регистре конструкцию: *Говорю пожар – вон сколько машин понаехал!*; *Говорю уברי – вон сколько пыли на шкафу* и т.д. Причинное предложение *Я думаю / говорю, что Петра здесь нет*,

⁶ Не следует смешивать эпистемическую "неполноту" как качество мира и как количественный показатель вкладываемой в конкретное сообщение информации. Последний допускает градуирование в границах одного мира. Фрагменты ряда предложений: *Джоунз намазал маслом гренки; Джоунз намазал маслом гренки в винной* и т.д., с навешиванием разнообразных дополнительных атрибутов на исходную структуру, – актуализировались в разное время логическим анализом и логикой действий. Их вряд ли уместно разводить по разным возможным (эпистемическим) мирам. Соображения по этому поводу – правда, безотносительно к понятию возможного мира – были высказаны Д. Дэвидсоном в работе 1967 г., подводящей итог попыткам заключить в логическую форму способность многих предложений к эпистемически значимому варьированию своей актантной структуры (см. в изд. [Davidson 1980]).

Комментируя в этом ключе проблему причинных предложений ("сингулярных каузальных предложений", по Дэвидсону) – а последние в нашей классификации причинности целиком принадлежат "миру-1", – автор критического обзора дэвидсонова подхода резюмирует: "Часто мы оказываемся не в состоянии употребить дескрипцию для идентификации причины и следствия по их каузально релевантным признакам либо по признакам, фигурирующим в общих причинных законах, покрывающих [данный] индивидуальный случай" [Language 1994: 201]. В самом деле, многие сингулярные термы идентифицируют события по пространственно-временному параметру или по их включенности в событийный контекст (ср. *События октября 1917 года и Десять дней, которые потрясли мир*), но оказываются неинформативными для объяснения (explanation) причин. Из этого не следует, что их употребление в причинных предложениях невозможно, как и то, что эта причинность иного сорта (или вовсе не является причинностью). Классификации имен и дескрипций мы рассматриваем в разделе 2.

потому что я его не вижу в этом мире менее частотно (ср. более приемлемый и вместе с тем недалеко отстоящий от предложений с причинной семантикой вариант: *Петра наверное здесь нет, что-то я его не вижу*), но зато с синтаксической точки зрения вполне корректно. Русские *потому-что*-предложения, как и английские "because-clause", при выражении ими "личностных" причин нуждаются в модальной достройке вершинной пропозиции: *I say / think / believe, that Jenny isn't here, because I don't see her*. Для них недостаточно прямого помещения в речевой контекст. В их структуре отношения модализованной обусловленности требуют аналитического развертывания. Следующее высказывание семантически неверно: *Jenny isn't here, because I don't see her*. Выражения *Иван говорит, что Петра здесь нет, потому что он его не видит; John says, that Jenny isn't here, for (because) he doesn't see her*, если их причинные части рассматривать в режиме нецитатного употребления, относятся к "миру-1" и возникают в ситуациях "полного" знания.

Подчеркнем, что в "мире-2", как и в "мире-1", важен перцептуальный источник информации, но не градус ее достоверности. Конечно, информация, полученная путем непосредственного наблюдения за действительностью, может быть ложной и вводящей в заблуждение. Но и это не отменяет ее успешного использования в мотивировках. Нам достаточно допустить, что ее рассматривают как истинную по крайней мере в данном возможном мире – мире восприятия действительности и производства высказывания конкретным говорящим. Адресат в ней может усомниться, но от этого ее каузальная роль в суждении не будет поставлена под сомнение. Каузирующая информация в "мире-2" облечена в модальную рамку и личностна, а соответствующие высказывания оставляют возможность другого мнения. Ее включение в высказывания "мира-1", осуществляемые с позиции "отстраненного" наблюдателя, констатирует эпистемическую недостаточность сообщения "мира-2". Последняя пара выражений (если только они не являются цитатным воспроизведением соответствующих высказываний из "мира-2") несет импликацию фактического присутствия искомого лица в перспективе говорящего. В них отрицается пропозиция "Петра здесь нет" или "Jenny isn't here", но не причина ее появления.

В следующем эпистемическом мире – "м и р е - 3" – для обоснования права говорить о событиях используется интериоризованный материал ментальных состояний (вера, кажимость, мнение, сомнение и под.), не подкрепленный, как это было в "мире-2", перцептуальной конкретикой. Здесь причинные конструкции отступают. Знаменательно, что английский язык, преуспевший на поприще типизации каузативных смыслов, не выстраивает в причинных конструкциях ряды пропозициональных установок: *I say / think, that he'll come, because I believe so* (букв. "Я говорю / думаю, что он придет, потому что надеюсь на это"). Не используются здесь и более приспособленные к выражению модализованных мотивировок *for*-предложения: **He'll come, for I believe so*. Русскому *Он придет, во всяком случае я надеюсь на это* соответствует английское *He'll come, at least I believe so*, включающее эвиденциальные маркеры интериоризованного (апперцептивного) источника знания.

Следующие примеры проясняют устройство названных миров. Предложение *Он считал, что умен, потому что каждый день думал иначе* (Э. Канетти) мы относим к "миру-2". Интерпретация его основана на семантической разности *считать* и *думать*; за отнесенность предложения к "миру-2" (а не, положим, к "миру-3") отвечает пропозиция, вводимая предикатом *думать*. *Думать* означает "объективное" [Шатуновский 1993] или, лучше сказать, эмпирическое мнение. Оно формируется в контексте жизненных ситуаций. Оценка же, вводимая *считать*, вторична (результатирующая). Афоризм Канетти содержит в свернутом виде механизмы ее выведения. Вторичная оценка способна абстрагироваться от конкретных положений дел, стать первичной. Тогда все "счеты" произвольны. *Считать, кого-либо дураком / негодяем / ослом* и т.п. не предполагает обязательной осведомленности о чьих-то поступках: для "считать", вообще говоря, достаточно выбора мишени. Напротив, *думам, мыслям и помыслам о*

ком-либо как о дураке, негодяе или осле, как правило, сопутствует их верификация при узнавании о поведенческих актах оцениваемого лица. Поэтому инверсия двух модусов в каузальной цепи семантически неправильна; ср. дефектность предложения *Он думал, что умен, потому что каждый день считал иначе*.

Разведенность одной реальной ситуации и способов ее обозначения по разным причинным мирам в зависимости от уровня знания – например, равновероятное ее падение в "мир-1" или "мир-2" – можно показать на следующем примере. К "миру-1" принадлежат выражения типа русск. *Он покраснел, потому что ему стало стыдно за вчерашний день* и англ. *He blushed, because he felt ashamed for what had happened yesterday*, устанавливающие связи наблюдаемого положения дел. Однако поведение симптоматических ситуаций ("покраснеть от стыда", "поблестеть от страха" и под.), как и близких к ним акциональных "вскрикнуть от боли", "прыгать от восторга" и пр., в плане отношений обусловленности может быть двойственно. Действительно, наряду с ситуацией из "мира-1" возможны и эпистемически "ослабленные" ситуации. Здесь мотивирующее и мотивируемое меняются местами. Каузальные инверсии происходят регулярно, когда в структуре исходной, "полной", ситуации редукции подвергается ее "слабый" правый компонент (содержащий недоступную зрению информацию о ситуациях стыда, боли, страха или восторга). Он и составляет предмет выводного знания. Тогда воспринимаемые внешние симптомы и поведенческие реакции третьего лица мы пытаемся использовать в оправдание своих заключений об их ментальных антецедентах. Однако же симптом чужого покраснения не поддается однозначной каузальной дешифровке: краснеют на морозе и в смущении, багровеют от гнева и т.д. Потому в высказываниях "мира-2" интериоризованная часть ситуации увязывается с симптомами и свидетельствами равно каузативным и некаузативным путями с помощью модальных слов и эвиденциальных отсылок, ср.: *Думаю, ему стыдно за вчерашнее, потому что / во всяком случае [я вижу, как] он покраснел*. Английский язык, чьи выражения в "деле о причинах" используются нами в качестве диагностических, в этих ситуациях не предлагает причинных придаточных: *I guess / believe / say, he must feel ashamed for what has happened yesterday, at least [I see, how] he has blushed*. Отчасти это объяснимо тем, что в мире "полного" знания симптоматика экстериоризует внутренние состояния, но при отсутствии у говорящего знаний о них она не выставляет каузально однозначного ориентира. Многозначность воспринимаемых симптомов и непричастность к ситуациям "причинения боли", "пристыжения" или "приведения в восторг" ощущаются как отсутствие для сообщений о внутренних состояниях "видимых" причин. Обоснование высказывания субъект речи подчиняет целям самооправдания и уступки. (Об интерпретациях симптоматики "внутреннего человека" см. подробно [Арутюнова 1997].)

Прерывая в этом месте краткий очерк причинности в разных эпистемических и семантических мирах, мы хотим обратить внимание на следующее. Когнитивные мотивировки сообщений, лишенные перцептуальной подоплеки, не входят в юрисдикцию принципа причинности. Последний ориентирован на отношения обусловленности во внешнем мире и создаваемые говорящим на их основе эпистемические (возможные) миры, как в "мире-1" или "мире-2", а не замыкается на интериоризованных явлениях, к чему обязывает "мир-3". Он рожден и отшлифован на *res extensa*, а не *res cogitans*⁷. Граница действия принципа причинности проходит там, где прерывается информация, получаемая по каналам восприятия. Ибо только эта информация может являться источником направленных на мир ментальных состояний (веры, полагания, знания). И, что главное, она стимулирует суждения, в которых, часто по умолчанию, исходят из общих причинных законов, продуцируемых житейской практикой. "Мир-1" и "мир-2"

⁷ Различая "мир-1" и "мир-2" набором присутствующих в них причин, мы обходим стороной нюансы, связанные с проблемой каузации как таковой и каузальным анализом ситуаций. Это задача философских и логических теорий каузального анализа. Однако сам принцип моделирования причинной семантики и принципа причинности – с использованием параметра знания, понятий контрфактичности и мира как основной онтологической единицы – прямо перекликается с аналогичными идеями в русле каузального анализа, особенно с его версией в работах Г.Х. фон Вригта [фон Вригт 1986].

классифицированы по типу причин; "мир-2" – и этим он отличается от "мира-3" – открыт к поступающей эмпирической информации, участвующей затем в каузальной аранжировке высказывания. В "мире-3" такой информации нет; здесь нет и причин. Принцип причинности не действует в приложении к непроецируемому в действительность основаниям пропозициональных установок – и в этом смысле не переходит "на личности"⁸.

* * *

Выделим опорные фрагменты того теоретического каркаса, который будет нужен нам в последующем изложении. Возможные миры образуются в результате интeриоризации физической реальности во внутреннюю сферу человека. Конфигурации информационных структур, возникающие в ходе восприятия физической реальности человеком, мы называем эпистемическим миром. Семантический мир задается множеством языковых выражений, принадлежащих разным аспектам высказывания. Развиваемая нами идея состоит в том, что можно составить классификацию языковых выражений на основании введенного логико-семантического критерия – их способности различать эпистемические ситуации (миры) или отражать их динамику.

2

Аналогичные предикатным и пропозициональным классификациям эпистемические изоглоссы можно прочертить на уровне имен.

В сфере имен (терминов) типичными примерами альтернатив, построенных на контрфактических основаниях, являются отношения имен типа *Геспер* и *Фосфор* и именных групп *Утренняя звезда*, *Вечерняя звезда* и *планета Венера*, тождественных по денотату. Это эмпирические термины: их появление, противопоставление и отождествление отражают этапы приращения знания об эмпирических объектах. Для различения имен Г. Фреге в работе 1892 г. (рус. перевод [Фреге 1977]) ввел понятие смысла (Sinn), противопоставив последнее понятию значения как денотативной соотносительности (Bedeutung). Смысл имени не затрагивает денотата, а отражает "способ представления" денотата в семантике имени. (Денотатом именных выражений в данном случае является одна и та же планета Венера.)

Отвлекаясь от традиционных интерпретаций этих имен в логике – в частности, известного Парадокса Фреге и способов его преодоления, – мы можем рассматривать их как средства для обозначения одного и того же референта в двух разных семантических, возможных, эпистемических мирах – мире древних и мире современных астрономических воззрений. Каждая пара имен – *Геспер* и *Утренняя звезда*, *Фосфор* и

⁸ Эпистемическая граница действия причинности, прочерченная нами, в целом совпадает с логико-философскими конвенциями о пределах этой категории. Философский анализ призван отграничить причинность и каузальную связь от отношений другой природы, претендующих, не без участия естественного языка, на каузальный статус. "Среди философов давно стало принято проводить различие между причиной и следствием, с одной стороны, и основанием и следствием – с другой. Первое отношение является фактуальным и эмпирическим, второе – концептуальным и логическим" [фон Вригт 1986: 71]. Наличие логической связи явлений исключает возможность их каузальной связи. Эта постулируемая философами закономерность известна как "аргумент логической связи" (logical connection argument) [Блинов, Петров 1991: 136; Buekens 1995: 406–407]: причина и следствие, чтобы быть истолкованными именно в таком качестве, должны быть логически независимыми сущностями.

Указанное философское противопоставление двух типов отношений накладывается на нашу классификацию миров, в частности на пограничные образования – "мир-2" и "мир-3". Связь перцептуальных данных с содержанием ментальных состояний (как в "мире-2") удовлетворяет критериям каузальной связи (ср. каузальные теории восприятия). Зато связь ментального состояния и инициируемого им высказывания (содержания пропозициональной установки) в "мире-3" для философов является концептуальной, логической, но не каузальной связью.

Вечерняя звезда, – а также выражение *планета Венера* окружены индивидуальным семантическим ореолом (это и будет "смысл" по Фреге), содержащим информацию об эпистемических характеристиках объекта, планеты Венеры, в границах названных миров.

В этом месте, говоря об универсальном для множества возможных миров объекте и называя этот объект "планета Венера", мы не можем параллельно не провести и другую линию. (В специальном смысле, в связи с проблемой референции имени, эта линия получит развитие ниже.) На самом деле, каждый мир – мир, семантической стороне которого принадлежит сумма выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда*, *Геспер* и *Фосфор*, а также мир выражения *планета Венера* – характеризуется особым набором не только семантических признаков ("смыслов"), но и собственным полем референции. Это его другая сторона. Возможные миры как единицы онтологии, напомним, естественно градуируются по онтологическому же признаку – по заполняющим их объектам. Последние типизируются (задаются) именными формами языка, обеспечивающими референцию к этим объектам из структуры пропозиции. "Следы" объектов исследователь может выявить путем рекурсивной процедуры: располагая реестром имен, мы, если будем действовать не выходя за рамки данного мира, придем к идентифицируемым терминам объектам.

Референтные объекты также будут отличительной чертой каждого из миров, задействованных в противопоставлении. В мире четырех именных выражений таких объектов два (соответственно, один – небесное тело, наблюдаемое утром, а другой – небесное тело, наблюдаемое только в вечернее время), а в мире *планеты Венеры* – только один. Тогда становится понятным, что в мире, которому принадлежат четыре приведенных выше именных выражения, не может быть объекта "планета Венера", потому что в нем нет самого выражения *планета Венера*, которое бы обеспечивало возможность указания на этот объект; а имена *Геспер* и *Фосфор* могли быть и в самом деле именами разных объектов (каковыми и являлись до определенного времени). Предложение "Денотатом выражения *Утренняя звезда* является планета Венера" звучало бы в высшей степени парадоксально, если бы его метаязыковой статус не был столь очевиден. Появление выражения *планета Венера* как раз и связывается с особым уровнем знания, позволяющим, в новом эпистемическом пространстве, отождествить некогда разные объекты и закрепить идею тождества в особом способе именования.

Именно с позиций эпистемически наиболее полного мира, мира *планеты Венеры*, совпадающего в своих основных координатах с миром современных астрономических взглядов (в частности, и "миром автора данной статьи"), рассуждают об этих выражениях логики, например Фреге. Их анализ "ретроспективен". В метаязыке, на котором они говорят о "своем" мире и обозреваемом из "своего" – другом мире, а также в самом языке "их" мира, естественном языке, появляются "неестественные" для другого мира способы номинации – названия для "непривычных" объектов. И это не случайно: ведь основная масса логических проблем в области имен концентрируется вокруг идеи тождества и решается подстановкой разных имен в равные семантические условия. Последние же не могут быть признаны универсальными (cross-world, "проходящими через миры"), как не универсальны пропозиции, распределенные по семантическим мирам (см. выше), или пропозициональные функции, чьи переменные пробегают в каждом мире по разным объектам. Смешение онтологически разнородного семантического арсенала – вот источник логических загадок и парадоксов.

Итак, "путь парадоксов", проторенный Фреге и его последователями, идет в обход "рамочных" признаков имени – эпистемических и семантических качеств среды его обитания, мира. Это свидетельствует не об уязвимости ряда систем логической семантики, а скорее о многосложности проблемы и плюралистичности методик для ее решения. И действительно, этот путь не единствен. От него отличается, и по целям, и по результату, другой, намеченный нами выше подход. В последнем именные выражения, их семантика и референция (как и семантический мир в целом), рассмат-

риваются не в сумме с другими, онтологически противопоставленными им выражениями (и мирами) языка, а раздельно – т.е. по разделительным линиям, своеобразным "изоглоссам", наблюдаемым внутри каждого такого множества выражений. (Например, анализ выражения *Утренняя звезда* не пересекается с анализом мира *планеты Венера*, хотя в своих истоках и стимулирован идеей связанности этих обозначений.) Тогда исследователь избавляется от эпистемических и семантических "помех", непременно возникающих в системе – со стороны форм языка, альтернативных данной форме и потому предполагающих другой эпистемический фон, входящих в иные семантические отношения. Впрочем, вернемся к семантической стороне наших именных выражений, занимая в их рассмотрении позицию Фреге и других авторов, не покидающих в своих наблюдениях над другими мирами эпистемически наиболее "совершенного" мира.

Итак, выражение *планета Венера* можно считать резервированным для мира современных астрономов и всеведущих логиков и философов. Оно включает сумму смысловых характеристик своих "предшественников", очищенную от эпистемических контроверз, и будет, в терминах С. Крипке, "жестким десигнатором" (rigid designator). Имена в обоих парах – "нежесткие десигнаторы" (nonrigid designators): их сфера действия ограничена пространством одного семантического мира. Впрочем, дескрипция *планета Венера* также несвободна в своем употреблении. Эпистемические ограничения, которые можно резюмировать в терминах расселовой дистинкции знания по описанию и знания по непосредственному знакомству ("knowledge by description" и "knowledge by acquaintance" соответственно), работают и на массиве жестких десигнаторов. Вскоре мы коснемся этой темы.

Свою теорию имен Фреге распространил на анализ суждений (высказываний), и она не дала сбоев в рамках решаемых этим автором задач. Суждение *Утренняя звезда – это небесное тело, освещаемое солнцем* при подстановке на место субъекта выражения *Вечерняя звезда* меняет смысл, несмотря на констатируемое Фреге тождество их денотатов (денотатов не суждений, а именных групп). Введение безденотатных имен типа *Одиссей*, *нынешний король Франции* и т.д. переводит суждение в разряд интенциональных сущностей: оно не поддается истинностной оценке и, по Фреге, не имеет денотата. Типично интенциональными признаются придаточные предложения при косвенной речи, отсылающие к содержащемуся в них суждению.

Позднее интенциональность была обьяснена свойством многих видов косвенных контекстов. Для следующего типа оппозиций важно то, что она явилась принципом формирования целых логических категорий, выделяемых с помощью языка. Разговор о логических категориях – событии, факте и пропозиции – составит содержание нашего раздела 3. Пока же в этом разделе мы подробнее остановимся на референтной стороне имен.

* * *

После исследований Фреге, с 1905 года, в работах Б. Рассела (здесь сошлемся на его работу 1919 г., рус. перевод [Рассел 1996]) именные выражения рассмотренного выше типа были признаны сокращенными дескрипциями, а их логическая структура записана в виде пропозициональной функции.

Дескрипции одновременно указывают на объект и предиктируют ему определенный признак. Исходя из их структуры, высказывание, имеющее в своем составе такое именное выражение, имплицитно осуществляет акта идентификации: из "Я встретил человека" следует: "Я встретил x , и x есть человек" [Рассел 1996: 155]. Соответственно, фрегевское различие "смыслов" именуемых выражений в теории Рассела было вынесено из именной позиции – структуры индивидуального имени – в позицию предиката пропозициональной функции. Именной компонент в логической записи дескрипции (переменная пропозициональной функции) резервируется для указания на денотат.

Этим нововведением изложение взглядов Рассела на природу именных выражений обычно ограничивается. Вместе с тем теория дескрипций, относящаяся к кругу идей "раннего" Рассела, неоднократно изменялась под влиянием других, возникших позднее идей в его философии. Мы продолжим краткий ее очерк. Особый интерес на этом пути представляет то место в эволюции взглядов Рассела, где линия дескрипций обогащается другой линией его же философии – его теорией знания с выделением знания двух типов: "знания по описанию" (knowledge by description) и "знания по непосредственному знакомству" (knowledge by acquaintance). Типологии знания он посвятил отдельный очерк, датированный 1910 годом (см. изд. [Russell 1917]). (Ниже мы также частично воспользуемся материалом работ [Wettstein 1991; Lycan 1994].)

"Мы непосредственно знакомы с фактами ощущений (sense-data), со многими универсалиями и, возможно, с самими собою, но не с физическими объектами или чужими сознаниями" [Russell 1917: 231]. В этой дефиниции, как и в дефинициях других эпистемологических понятий, много неясного. Интуиция подсказывает нам, что мы скорее согласились бы ограничить предмет своих сообщений непосредственно наблюдаемыми вещами (случись вдруг такая необходимость), чем стали бы говорить о вещах, знакомых нам исключительно через описание. На самом же деле, следствием подобной интуиции была бы потеря нами возможности высказываться о чем-либо вовсе, поскольку непосредственно знакомы мы с немногим. Во всяком случае, к такому выводу склоняет нас Рассел. И вывод этот естественно проистекает из его эпистемологической теории, последовательно сопряженной с более ранней теорией дескрипций и находящейся в полном согласии с его моделью мира – логическим атомизмом, но не с нашей интуицией.

Чтобы понять эпистемологические разыскания Рассела (хотя, повторяем, в его типологии знания немало затемненных мест и даже явных нестыковок), снова обратимся к фрагменту его статьи. Итак, Рассел продолжает: "Мы обладаем *описательным* знанием объекта в том случае, когда мы знаем, что именно *этому* объекту присуще некоторое свойство или свойства, с которыми мы непосредственно знакомы. Другими словами, если мы знаем, что свойство или свойства, о которых идет речь, принадлежат только одному объекту, то можно сказать, что мы обладаем знанием этого одного объекта через описание, независимо от того, знакомы мы или нет с этим объектом. Наше знание физических объектов и чужих сознаний – это только знание через описание, причем соответствующие описания обычно включают факты ощущений. Все понятные нам пропозиции, независимо от того, касаются ли они прежде всего вещей, известных нам только через описание, состоят исключительно из таких составных частей, с которыми мы непосредственно знакомы, ибо конституенты, с которыми мы не знакомы непосредственно, нам непонятны" [Там же]. Оставим в стороне философскую сторону этого постулата и поставим вопрос о его логико-лингвистической ценности. Каким образом постулируемая Расселом закономерность проявляется в структуре пропозиции, а также в чем "непонятность" пропозиций, включающих в свой состав отвергаемые Расселом конституенты, и в целом – что представляют собой эти последние?

Непосредственное знакомство с конкретным объектом, "особью" (particular), выражается в возможности его оstenсивного, не опосредованного сема н т и к о й определения. Этой цели в языке Рассела служат логически собственные имена – "я" ("I"), предполагающее знакомство говорящего с самим собой, и "это" ("this"), обеспечивающее указание на факты ощущений. (Впрочем, от признания "я" логически собственным именем Рассел отказался вскоре после первой публикации своего очерка – это явствует из его примечания к изданию 1917 г.) Большинство же вещей, о которых приходится сообщать, не являются объектами знакомства. И даже демонстративы "это" или "то" чаще употребляются для референции не к фактам ощущений, а к физическим объектам. Привилегированное положение логически собственных имен в языке представляется логической фикцией, имеющей мало общего с

повседневной языковой практикой. В теории Рассела их существование ограничено пространством метаязыка.

Вторая группа (и основная масса) имен в логическом представлении является скрытыми дескрипциями. Она-то и предназначена для референции к объектам знания по описанию. Такова большая часть имен естественного языка: они покрыты дескриптивной оболочкой, но не лишены денотативного ядра; таково преобладающее число подлежащих сообщению объектов. Чтобы идентификация известного через описание объекта состоялась, дескрипция непременно должна соотнести его с фактом непосредственного знакомства, с "особью". Выражения *мой сын, эта ручка, Лондон* и даже, предположительно, *Универсум* – в логической записи содержат отсылку к знакомым (не через описание) объектам. Будучи во многом искусственным именем, а нередко – исключительно именем логического метаязыка, восстанавливаемая дескрипция включает в состав денотативного компонента логически собственное имя. Например, логической формой выражения *эта ручка* в высказывании *В этой ручке кончились чернила* (букв. "Эта ручка истощила запас чернил" (*This pen ran out of ink*)), по Расселу, может быть дескрипция "ручка, причинно ответственная за это" (*the pen causally responsible for this*) [Wettstein 1991: 94], где "это" связывает эпистемически дистанцированный, а потому недоступный прямому указанию физический объект (ручку) с релевантными фактами ощущений (вероятно, ими будут, например, следы чернил на листе бумаги).

Итак, основная масса имен естественного языка – это замаскированные под имена определенные дескрипции, обладающие непрямой, о п о с р е д о в а н н о й, референцией и "гибридным" строением. Содержащаяся в них идентифицирующая информация не ограничена их дескриптивным содержанием (языковым значением). Разделение семантики и референции здесь наблюдается довольно четко. Можно обладать знанием собрания качеств, которое в самом деле принадлежит некоторой вещи, утверждает Рассел, и все же совершенно не представлять себе, кто или что этим качествам отвечает [Russell 1917: 215ff.; Wettstein 1991: 107].

Обсаяком в классификации Рассела стоит группа выражений типа "долгожитель", "человек в железной маске". В нее, если продолжить перечень Рассела, попадает множество определенных дескрипций, подобных русским: *очень высокий человек, самая красивая девушка, настоящий художник, последний негодяй* и т.д. Они также служат указанию не на объект непосредственного знакомства, а на объект, знакомый через описание. Но, в отличие от дескрипций предшествующего типа, их референт не является "особью". Его статус другой: это – концепт, определяемый "совокупностью чисто качественных универсалий" (*constellation of purely qualitative universals*), приписываемых некоторой вещи, "X" (см. выше). Дескрипция *долгожитель*, конечно, относится к некоторому человеку, но мы ничего не можем сказать об этом человеке кроме того, что содержится в значении самой дескрипции (т.е. того, что человек этот, некий "X", прожил дольше других людей). В самом деле, человеком-долгожителем (если такой вообще существует) равновероятно могут оказаться, скажем, некий китаец или человек, стоящий передо мной. Не исключено также, что тот и другой будут одним человеком. Пропозиция "Автор "Веверлея" – новеллист" может быть понятна людям, не подозревающим о том, что автор "Веверлея" – Вальтер Скотт. Дескрипция не обеспечивает слушателя идентифицирующим знанием объекта ("knowing who") и даже не гарантирует того, что удовлетворяющий ей объект существует. Все, что мы в каждом случае в состоянии узнать о ее носителе, логически выводимо из языкового значения дескрипции и им же ограничено. Философы языка окрестили эти дескриптивные выражения "чисто квалитативным" (*purely qualitative*), имея в виду их референтный статус [Wettstein 1991: 93].

Многие идеи философии Рассела неоднократно подвергались критике и ревизии. Развития и модифицируя рассмотренную здесь теорию, оппоненты и последователи во многом сохранили ее центральное звено. Так, в более поздних понятиях референтного

и атрибутивного, прозрачного и затемненного употребления дескрипций, в различении референции говорящего и семантической референции – улавливается преемственность обрисованной типологии.

В то же время философская презумпция о существовании двух способов знания проникла в семантические теории. Правда, соответствующие ее понятия больше не воспринимаются в номиналистическом смысле. Они потеряли специфические, "расселовские", коннотации. А взятые на вооружение философией обыденного языка, эволюционировали в сторону интуитивно ясных близких к ним понятий из эпистемической практики людей, позабыв о своей исконной ангажированности философией анализа.

Идея "чисто квалитативных" дескрипций (*purely qualitative descriptions*) также не осталась без внимания исследователей. Впрочем, несмотря на ригористичность манеры рассуждения Рассела и усилия его последователей, в целом они предстают размытым концептом теории дескрипций. В их анализе намечилось несколько самостоятельных линий. Здесь мы рассмотрим две из них. Для сторонников первой этот разряд дескрипций стыкуется с именными выражениями (и другими дескрипциями), употребленными – в рамках конкретного высказывания – в атрибутивной (а не референтной) роли. Ср.: *На остановке стояли люди. Самый высокий человек (красивая девушка, человек в железной маске и под.) заговорил (подошел ко мне, улыбнулся и т.д.).* Выражение *самый высокий человек*, следуя анализу Рассела, здесь значит: "тот *x*, который принадлежит классу людей, стоящих на остановке, и является самым высоким представителем этого класса". Дескриптивные смыслы, удаленные из субъектной позиции, "повисают" на предикате и выполняют индивидуализирующую функцию. Но очевидно, что этот анализ не покрывает всех употреблений.

Другая линия возникает с признанием этих выражений цельными, не разложимыми на данном этапе анализа высказывания, подобными "вставкам", "чужеродным телам", "цитациям" в тексте. Она представлена в работе А. Вежбицкой [Вежбицкая 1982]. Мы выделим в анализе Вежбицкой те фрагменты, которые сближают его с нашей методикой. Цитата вносит в авторский текст элементы чужой речи (другого семантического мира). Так, к примеру, обстоит дело с выражениями *долгожитель, последний негодяй, настоящий художник*, используемыми в интродуктивной субъектной функции. Последние – и этим они отличны от выражений типа *самый высокий человек* – для своего появления в тексте не требуют зрительного контакта и вообще – знакомства с референтным объектом. Это дескрипции, поставляемые чужим сознанием для обозначения говорящим лица как известного говорящему не через непосредственное знакомство, а через описание (другим лицом). (Будем употреблять эти термины не в расселовском, а в привычном для лингвиста и интуитивно понятном смысле.)

Другая эпистемическая ситуация, противоположная ситуации цитирования, складывается тогда, когда эти дескрипции говорящий конструирует из предикатов, принадлежащих его же языку. Наступив кому-то на ногу в транспорте и оказавшись с потерпевшим рядом на остановке, обидчик получит номинацию – *негодяй*. Ею он и будет обозначаться в тексте. В такой ситуации – и это важно подчеркнуть – способ референции относится к семантическому миру говорящего. Тем не менее факт "непосредственного знакомства" не снимает с субъекта речи обязанности указать адресату идентификационные пути, ведущие к адекватному пониманию сообщения. Напротив, способ референции в ситуации цитирования навязан говорящему другим лицом. В отрыве от прагматической ситуации источник дескрипции может пониматься двояко, ср.: *Последний негодяй на проверку оказался порядочным человеком.*

В каждом семантическом мире пространство референции естественно разбивается на две сферы (ср. [Степанов 1994]). К п е р в о й – референтному пространству говорящего – принадлежит вся область непосредственно знакомых говорящему объектов и языковых средств указания этих объектов – дейктических местоимений, имен и дескрипций. В т о р а я сфера – референтное пространство адресата – характеризуется тем же устройством, но частично не совпадает с первой по набору еди-

нии – объектов и способов их указания. Разумеется, для успешной коммуникации необходимо максимальное пересечение этих сфер или наличие способов их соотношения.

"Чужие" номинации, адаптированные к данному акту референции и представляющие в высказывании объекты, с которыми говорящий знаком исключительно через описание, относятся к другому семантическому миру. Таковы, например, цитаты. Остальные элементы высказывания – в том числе в высказываниях о третьих лицах и в косвенной речи – в норме не знают вхождения "разномирных" референтных средств. Они ориентированы на выражение референции автора речи. Доказательству этого тезиса фактически посвящено исследование Г.-Н. Кастаньеды [Castañeda 1979]. Его позиция следующая: "Конструкции могут быть референциально прозрачными в отношении референции говорящего к объекту *O*. Очевидно, что в высказываниях о разных объектах или разных лицах некоторые из номинаций референциально затемнены, но с сохранением прозрачности смысла" [Castañeda 1979: 129–130]. Возьмем предложение: *Джон уверен, что Мэри считает его хорошим другом*. В местоимении *его* совмещены точки зрения говорящего и Джона, поскольку мир Джона может описываться пропозицией "Мэри считает *меня* хорошим другом". Но это местоимение, возможно, противоречит миру Мэри. Вообразим ситуацию, в которой Мэри не может обратиться к Джону со словами "*Ты* хороший друг", поскольку знает о нем исключительно со слов других людей. Тогда для экспликации референтной структуры пропозиции необходима ее следующая запись: "Джон уверен, что он является *X* и к тому же что Мэри считает *X* хорошим другом". Переменная "*X*" дает возможность избежать теоретических неудобств, вызванных несовпадениями в способе обозначения лица субъектом речи и субъектами пропозициональных установок. Информационная ценность утверждений типа *Иван не знает, что Маша это та самая Маша* – в отождествлении не точек зрения (способов референции) субъекта речи и субъекта пропозициональной установки (Ивана), а разных референтных объектов, представляемых – в обоих случаях – с позиции говорящего. Роль субъекта речи – в нивелировке семантических различий, в наделении своих персонажей однородным языком, выражающим референцию говорящего (speaker's reference).

Здесь мы снова вернемся к дескрипциям. Логическое представление дескрипций в виде пропозициональной функции позволило развести в них референцию и семантику, выделив для этих целей субъектную переменную и предикат. Но ведь эта, "искусственная", операция над дескрипциями отражает "естественное" стремление языка к размежеванию в пределах суждений, по субъектам и предикатам, результатов эпистемического опыта людей – знания предмета и знания понятия о предмете; знания по знакомству и знания по описанию. Характер и количество знания обуславливают соотношение в дескрипции "референтного" и "семантического", а в целом для высказывания – задают его ориентацию в "вещном" и "ментальном" пространствах (открытую более века назад М.И. Каринским).

3

Отношения альтернативных способов восприятия ситуации, закрепленных в речевых номинациях, волновали философов логического анализа языка, пытавшихся навести порядок в объектах, первоначально известных как категории логической онтологии, – "с о б ы т и е", "ф а к т", "п р о п о з и ц и я". В трудах З. Вендлера "событие" и "факт" были открыты как бы в новом ракурсе, получив привязку к формам языка. Важно подчеркнуть, что оперирование ими теперь предполагает обращение к языковым выражениям, в рамках которых категории реализуются (см. [Вендлер 1986; Vendler 1967; Asher 1993; Степанов 1994; 1995]). При этом имеется в виду описание не типов пропозиций, являющихся диагностическими для разграничения ситуаций или миров, а их синтаксически несвободных дериватов – пропозитивных н о м и н а л и з а ц и й.

В логическом анализе речь шла об отождествлении или индивидуации событий, фактов и пропозиций, а следовательно – об установлении логико-семантической эквивалентности внутри соответствующих этим категориям типов языковых выражений. И прежде всего тех из них, где эта проблема не снимается возвратом в физическую реальность – простым указанием на порцию пространства-времени, денотат (так, несколько упрощая, для событий), – т.е. выражений с фактообразующим и пропозитивным значениями. Пропозитивное значение описывает возможный мир, фактообразующее – задает особый модус осмысления мира, отличный от событийного. Событийное значение экстенционально, фактообразующее и пропозитивное включаются в контекст пропозициональных установок. Только модализованная пропозиция, *P* (например, *Я верю / полагаю / знаю, что P*) способна создавать эпистемическую реальность – ситуации и миры; интенциональное прочтение неполной пропозитивной номинализации необходимо для появления факта.

Факт – логическая абстракция, хотя и имеющая материальное воплощение в языке: выражением для факта является не полностью номинализованная пропозиция (imperfect nominal). "То, что приехал Иван Иванович", "то, что приехал отец четырех детей", "то, что хозяин Белки явился вчера пополудни", – будут разные обозначения для разных фактов, если даже денотативное тождество употребляемых в них дескрипций в нашем мире само по себе – непреложный факт. Поэтому факты в большей степени определяются планом смысла, а не дефектами восприятия, в них больше "ментального", чем "реального".

Облеченные в *то-что*-конструкцию номинализации имеют различное пропозитивное содержание, а их событийный заряд может быть одним, если – следуя Д. Дэвидсону – усматривать критерии идентификации событий в общности их пространственно-временных характеристик и причинно-следственных историй (см. об этом [Davidson 1980; Language 1994: 199–219, 255–297]). "Приезд Ивана Ивановича" и "приезд отца четырех детей" – два способа описания и понимания события, но не два модуса его существования (не два события). Впрочем, "приезд отца" в системе Дэвидсона будет расцениваться именно как отдельное событие ("particular") – по его влиянию на интересы сына.

Подведем предварительный итог. Для трех сообщающихся типов онтологических объектов – мира (ситуации), события и факта – имеется три диагностических типа языковых выражений. Они принадлежат к пропозитивным компонентам предложения, т.е. к компонентам, выражающим смысловые отношения непредметного, пропозитивного типа. Два типа выражений, относящиеся к факту и событию, связаны с исходным предложением, описывающим возможный мир, трансформацией номинализации.

* * *

Обращение исследователя к абстрактным сущностям и помещение миров (ситуаций), фактов и событий в онтологию лингвистики не нуждается в теоретическом обосновании. Эти объекты можно открывать и констатировать; их существование, как и присутствие в языке ответственных за них типов выражений, нельзя санкционировать. Существенным аргументом является также то, что этими структурами в познавательной и речевой деятельности оперирует человек. Говорящий в каждом случае по-разному представляет один и тот же фрагмент действительности и выбирает для сообщения о нем разные языковые структуры – из альтернативных имен, оппозитивных предикатов, противопоставленных пропозиций или номинализаций. Но использование понятий "мир", "событие", "факт" философией языка для объяснения сугубо лингвистических явлений должно иметь и практический смысл. Наш следующий вопрос мы сформулируем так: какие факторы, определяемые спецификой самих онтологических единиц, регулируют отношения обозначающих их типов языковых выражений, в том числе способность последних к взаимным преобра-

зованиям (например, препятствуют полной номинализации исходной пропозиции)? Или по-другому, в терминах выбранной нами онтологии: какие элементы должна включать в себя эпистемическая ситуация, чтобы, подчиняясь логике говорящего субъекта, свободно преобразоваться в факт или перетечь в событие?

Сразу заметим, что факты и события несимметричны в отношении к своим аргументам – возможным мирам. Возможный мир всегда дает пищу фактам. И здесь не бывает "онтологических пустот". Факты предсказуемы в том смысле, что нельзя помыслить эпистемической реальности, не выразимой на языке фактов. Связь мира (ситуации) и факта стабильна. В то же время событийный модус предъявляет к содержанию мира определенные требования. Номинализованные пропозиции в значении события ограничены не только возможностями словообразовательной системы языка, но и тем, что эпистемическое пространство мира (и значение описывающей мир исходной пропозиции) в ряде случаев недоукомплектковано признаками, релевантными для события. По этой причине нас будут в первую очередь интересовать отношения миров и событий. Именно в этом звене цепочки сообщающихся типов онтологических объектов нередки сбои. Факты же будут нами привлекаться в той мере, насколько они, обнаруживая много общих с мирами черт, контрастно оттеняют свойства событий или, лучше сказать, событийного модуса осмысления мира.

Обратим внимание на то, что возможные ситуации (миры), выделяемые по эпистемическому признаку, представляют собой наиболее вариативный разряд онтологических единиц. Информационный объем и границы ситуации (мира) могут сужаться и расширяться; пропозиция лишь очерчивает ее контуры или тщательно прорисовывает детали. Субститутом подробного описания происходящего становится перечень действующих лиц и эскиз "сцены". На семантическом "фоне" проступают контуры "фигуры". Фактическая коммуникация, дневниковые записи, письма дают примеры "внесобытийного", "контурного" письма. Событие уходит из языка, но остается в памяти рассказчика. Ср. фрагмент устного рассказа Т.Г. Винокур об "ушаковских мальчиках" [Поэтика 1996: 299]: "...Это был такой длинный-длинный большой стол // Была столовая // Столовая / была / собственно говоря очень большая комната / но казалась маленькой из-за того / что ее занимал стол // Длинный-длинный стол //" и т.д. Между тем "факультативность" событийного предиката присуща только ситуациям, занимающим нижний полюс эпистемической шкалы; по мере продвижения к ее вершине рейтинг предиката повышается: "Это была огромная комната / ...сэшенно пустая / какая-то аскетическая / где / два стояли огромных рояля / вот где он (К.Н. Игумнов. – К.П.) занимался с учениками / и где тоже / он меня сажал за-а рояль / и что-то меня там учил..." [Поэтика 1996: 301].

Пропозиции, обращенные к эпистемическому "опустошенному" миру, могут при номинализации принимать фактообразующее, но не событийное значение. Пространство, населенное предметами, лишенными предикатных признаков, может превратиться в факт, но не стать событием: пропозиция *В саду – дети* легко переходит в разряд подчиненной для сообщения факта (*То, что в саду дети, всех удивило*), но не для события. Номинализация *Пребывание детей в саду* (длилось долго), с включенным предикатом, не является результатом преобразования пропозиции *В саду – дети*. Она составляет семантический эквивалент пропозиции *В саду были (пребывали) дети*, а это уже другая, отличная от первой, смысловая структура. Если эпистемическая невозможность "полноценной" предикации (действия или состояния) естественно выражается пропозицией с опущенным предикатом, то экзистенциальная предикация, напротив, не обслуживает беспризнаковых эпистемических пространств. Она выражает конкретное знание. Ср. другой пример, где событийная номинализация по понятным причинам возможна: *В саду играли дети – То, что в саду играли дети, всех удивило – Игры детей в саду не остались незамеченными*. Из соположенных в высказывании *А у нас сегодня кошка родила вчера котят* (С. Михалков) двух

семантических миров мир "вчера" допускает также событийное осмысление, тогда как мир "сегодня" – только фактивное: для его событийного прочтения недостает предиката. Жизнь полна событий, "присутствие-в-мире" несобытийно.

Эпистемическая редукция ситуации имеет, однако, свой нижний предел. Каждый объект обладает совокупностью признаков. Распоряжаясь признаками объектов и самими объектами, воспринимающий ситуацию субъект не элиминирует все без остатка. Неотъемлемую часть информационного объема конструируемого возможного мира или факта и пропозиционального содержания высказывания составляет индивидуализирующая информация. Когда говорят о *факте пребывания детей*, о *факте наличия стола (стула)*, имеют в виду не общее "устройство" бытия или атрибуты быта: экстракция факта осуществляется из положения дел, имеющего индивидуальный характер. Индивидуализация достигается помещением положения дел в определенный пространственно-временной локус (см. подробно [Булыгина, Шмелев 1989]). (Здесь мы не планируем рассматривать статусных характеристик элементов пропозиции.)

Локальные отношения в суждениях о действительности выполняют двойную роль: очерчивая в пропозиции контуры эпистемического мира, они участвуют в сличении ее с "оригиналом" – установлении истинности высказывания. В еще большей степени признак локализованности пропозиции релевантен для ее осмысления в модусе факта. В структуре факта значение истинности получило статус вершинного компонента благодаря выделенности в неполной номинализации показателя предикативного отношения (связки); см. [Арутюнова 1988: 155].

"Голый факт" совсем не означает "тот факт, который не поддается однозначной верификации". Первая квалификация относится к эпистемологии факта и семантической стороне фактообразующих номинализаций: факты "довольствуются малым"; вторая – верификационная – предъявляет обязательное требование к факту как логической категории: неверифицируемый или ложный факт перестает быть "фактом". С этой позиции "тот факт, что живут белые медведи" будет иметь право на существование, если он верифицируется в Арктике (но не констатируется, безотносительно к Арктике, о положении дел в Москве) и если, к примеру, там ожидали увидеть слонов (а не белых медведей). В другом же контексте незаполненность в обозначении факта валентности места ощущается как ненормативная, а сам факт становится ложным: неупоминание в содержании номинализации топологических координат чревато потерей для факта верификационных ориентиров. Так называемая "открытость" предложений в логике, т.е. их неохарактеризованность по параметру истинности – именно по причине отсутствия пространственно-временной детерминации, – результат применения логической бритвы. Она противоречит коммуникативной функции языка и практике его использования.

Из сказанного также ясно, что общие имена с предметным значением не способны к номинации фактов (если даже называемые ими объекты вездесущи): **тот факт, что дети / столы / Утренняя звезда* и т.п. *Дети, люди, столы и стулья* именуют факторы, но не факты.

Итак, чтобы событие "состоялось", его нужно *наблюдать, идентифицировать, выразить* лексическими средствами языка. Поэтому событийное значение попадает в зависимость от предикатной лексики (ср. пушкинское: *Крик, хохот, песни, шум и звон, Разгульное похмелье*). Возможные ситуации и миры, а также факты нуждаются в *знании*, а не наблюдении. Они, в отличие от событий, терпят большую информационную ущербность. Для их появления достаточно знания о положении предмета (в широком смысле) в границах освоенного человеком пространства, ср.: *Во дворе люди (людно) – Тот факт, что во дворе люди (людно)...*; *В глубине прохода, разделявшего палисадник, чернелась вывеска подвальной угляни* (Набоков). "Точки роста" для событий – в семантике предиката. Миры и ситуации в обслуживающих их пропозициях обнаруживают устойчивую зависимость от обстоятельственных локализаторов.

Вопрос "Что происходит?" обычно обращен к эпистемической ситуации в целом. Он не имплицитно подразумевает событие ответа: высказывания *В саду – дети* (но ср. нелокализованную пропозицию **Дети*) и *В саду играют дети* в ответ одинаково уместны.

Если для "рождения" событий релевантен выбор предиката, то для фактов – и интенсиональная структура всей характеризующей факт номинализации: даже малое количество дескриптивной информации способно породить качественно разные факты (см. примеры выше). Случай, когда две номинализованные субъектно-предикатные структуры, называя одно событие, констатируют (и конструируют!) разные факты, вынуждали в истории логического анализа к поиску релевантных неденотативных критериев идентификации фактов – "изнутри" называющих факты номинализаций (см. [Арутюнова 1988: 164, 174]) и свойственных фактам языка, дискурса (см. [Степанов 1994; 1995]).

Итак, ситуации в контексте эпистемических миров наименее притязательны к информационному субстрату. Это проявляется в устойчивости некоторых пропозиций – прежде всего описывающих "инкомплетивные" миры – к событийным преобразованиям. Регулярные отношения ситуаций и событий нарушаются (при неизменном присутствии фактов) и на противоположном фланге эпистемической шкалы, занятом ситуациями "полного" знания. Выше мы говорили о владении говорящим положительной информацией. Сейчас нас будут интересовать не максимально заполненные информацией пропозициональные структуры, а высказывания о ненаступивших положениях дел. Будем считать, что последние соответствуют ситуациям "полного" знания. То, что не имело места, нельзя увидеть, но о нем, зная, все же можно сообщить. В такое высказывание попадает негационный компонент.

На первый взгляд, отрицательные признаки не создают почвы для события (ср. [Asher 1993: 214–215]). Они лишают действия, состояния, процессы релевантных качеств события как онтологической единицы. Событие всегда имеет позитивное содержание. "Не-действие" же не-наблюдаемо. Оно не имеет приложения к действительности. "Минус-ситуацию" трудно заметить вследствие ее слитости с фоном. Хотя наличие в языке у отрицательных предикатов лексикализованных позитивных (контекстных) синонимов (ср. *не сказать* и *смолчать*, *не указать* и *пренебречь*, *не вспомнить* и *забыть*, *не заметить* и *пропустить* и под.) убеждает в обратном. И это легко понять. Ведь о событиях не обязательно судят по их непосредственным (позитивным) проявлениям. В отсутствии позитивных свидетельств приметы событий черпают из других источников. Прямые симптомы неосуществленных действий, непротекающих процессов и ненаступивших состояний – их причины-следствия. Если мы в какой-то момент обнаруживаем отсутствие события, появление которого предопределено логикой вещей, то сама по себе эта информация стимулирует наше обращение к событийным смыслам. Помещенная в "зримый" контекст, отрицательная информация получает положительное языковое оформление. Русский язык терпимо относится к выражениям типа *Ее неприходы становились все чаще* или *Его неприезды длились все дольше*. *Неприходы* и *неприезды* здесь – собственно-события. Только события могут итерироваться, длиться и удлиняться, выстраиваться в ряд на временной оси; факты – нет.

Двойственное поведение негативной информации закреплено в синтаксисе языка событий. Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1988: 133] в числе особенностей пропозитивного и фактообразующего значений, отличающих их от событийного значения, отметила способность пропозиций (ситуаций) и фактов иметь в своем составе отрицание. В отношении событий язык действует в режиме "обманутого ожидания": он либо блокирует событийное прочтение полной номинализации, либо оформляет новое событие, включая отрицание в значение предиката или лексикализуя его. Пример первого хода: *Сонечкин неприход ко мне в последний раз был тот же Володин приход ко мне – в последний раз...* *Сонечкин неприход ко мне был – любовь* (М. Цветаева, пример Н.Д. Арутюновой), где *Сонечкин неприход* интерпретируется в фактивном

смысле – "тот факт, что Сонечка не пришла". Пример второго хода: *Я не знаю, знаешь Ты или нет, но я-то знаю, что решающий в моей жизни факт – отсутствие серьезного отношения* (Из письма Р.О. Якобсона Г.О. Винокуру). Здесь номинализация *отсутствие серьезного отношения* лексикализует событие (а имя *факт* не является классификатором для факта). *Неприходы и неприезды* в паре примеров выше также демонстрируют успешное проникновение отрицания на территорию событий, не влекущее за собой семантических последствий. Отрицательная информация может ассимилироваться событием; отрицание событийной номинализации переводит ее значение в фактообразующий ранг.

4

Мы закончим несколькими общими замечаниями.

Изучение процесса восприятия при производстве высказывания – в рамках общего вопроса о соотношении высказывания и ситуации, перенесенного в плоскость философии языка, – обязывает к определению границ и объема стоящих за языковыми выражениями фрагментов онтологии. Эта проблема объединяет два основных способа анализа внутренней структуры языкового выражения – лингвистический (семантический) и логический, демонстрируя "точки соотнесения" лингвистического и логического (логико-философского) знания. Последние располагаются в области пропозициональных и именных компонентов логической схемы высказывания. Выше, говоря о логически и, по нашему мнению, онтологически значимых альтернативах на разных ее уровнях, мы выделили три такие "точки". В них, соответственно разделам 1–3, попадают: (1) структура пропозиции и ее дериватов в эпистемическом и семантическом ключе и выбор из находящихся в альтернативных отношениях пропозициональных форм языка – основы будущего высказывания; (2) семантическая структура именных выражений и ее информационное наполнение; (3) детали смысловой организации пропозиции (и пропозитивных номинализаций) и понятие логико-семантической эквивалентности альтернатив.

Среди перечисленных пункты (1) и (3), проходящие по линии пропозиций, представляются основными. Они актуализируют главный фокус вынесенной в заглавие статьи проблемы, а именно: **языковые рамки и формы** выражения ситуации, способы ее представления в семантике предложения и высказывания. Термин "ситуация" здесь использован нами как родовой. Он покрывает несколько частных категорий, сформировавшихся на пересечении мира "сырой" действительности и ментального мира человека, – "возможный мир", "ситуация (в узком смысле, как часть возможного мира)", "событие", "факт". Последние возникли в разное время и в разных системах в результате осмысления способов существования и устройства мира сквозь призму обращенных к миру языковых выражений с непредметными значениями. Такое онтологическое разнообразие лишний раз подтверждает мысль о том, что применительно к двум языковым выражениям бессмысленно задаваться вопросом, являются ли они обозначениями "одной ситуации" или "разных". Но можно сказать, что каждое из них выражает ситуацию в контексте определенного возможного, или эпистемического, мира или событие, или факт. Выражение "*Это еще не факт*" для нас имеет, помимо прочего, онтологический смысл: оно квалифицирует предшествующее высказывание как описание сложившейся в сознании говорящего ситуации, но не сообщение факта. "Ситуация" и "возможный (эпистемический, семантический) мир", "событие", "факт" включаются нами в лингвистическую онтологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
Арутюнова Н.Д. 1988 – Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
Арутюнова Н.Д. 1997 – Модальные и семантические операторы // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.

- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. 1981 – Прагматический "принцип приоритета" и его отражение в грамматике языка // ИАН СЛЯ. 1981. Т. 40. № 4.
- Блинов А.Л., Петров В.В. 1991 – Элементы логики действий. М., 1991.
- Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Борхес Х.Л. 1994 – Соч. в трех томах. Т. 1. Рига, 1994.
- Бульгина Т.В., Шмелев А.Д. 1989 – Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3.
- Вежбицкая А. 1982 – Дескрипция или цитация: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Вендлер З. 1986 – Причинные отношения: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
- Витгенштейн Л. 1994 – Философские работы. Часть I: Пер. с нем. М., 1994.
- фон Вригт Г.Х. 1986 – Логико-философские исследования. Избр. труды: Пер. с англ. М., 1986.
- Гак В.Г. 1973 – Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
- Демьянков В.З. 1983 – "Событие" в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // ИАН СЛЯ. 1983. Т. 42. № 4.
- Каринский М.И. 1956 – Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956.
- Падучева Е.В. 1986 – О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1.
- Пауль Г. 1960 – Принципы истории языка: Пер. с нем. М., 1960.
- Петров В.В., Переверзев В.Н. 1993 – Обработка языка и логика предикатов. Новосибирск, 1993.
- Поэтика 1996 – Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Рассел Б. 1996 – Введение в математическую философию: Пер. с англ. М., 1996.
- РГ – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Сааринен Э. 1986 – О метатеории и методологии семантики: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. М., 1986.
- Смирнова Е.Д. 1996 – Логика и философия. М., 1996.
- Степанов Ю.С. 1994 – Пространства и миры – "новый", "воображаемый", "ментальный" и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 2. Харьков, 1994.
- Степанов Ю.С. 1995 – Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- Фреге Г. 1977 – Смысл и денотат: Пер. с нем. // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Хинтиikka Я. 1975 – Информация, причинность и логика восприятия // ВФ. 1975. № 6.
- Хинтиikka Я. 1980 – Логико-эпистемологические исследования: Пер. с англ. М., 1980.
- Шатуновский И.Б. 1993 – *Думать и считать*: еще раз о видах мнения // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
- Asher N. 1993 – Reference to abstract objects in discourse. Dordrecht, 1993.
- Barwise J. 1989 – The situation in logic. Menlo Park (CA), 1989.
- Buekens F. 1995 – Philosophy of action // Handbook of pragmatics: Manual. Amsterdam, 1995.
- Castañeda H.-N. 1979 – On the philosophical foundations of the theory of communication: reference // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
- Cornelis G.S. 1995 – Epistemic logic // Handbook of pragmatics: Manual. Amsterdam, 1995.
- Davidson D. 1980 – Essays on actions and events. Oxford, 1980.
- Dretske F.J. 1979 – Referring to events // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
- Language 1994 – Language, mind and epistemology: On Donald Davidson's philosophy. Dordrecht, 1994.
- Lycan W.G. 1994 – Modality and meaning. Dordrecht, 1994.
- Russell B. 1917 – Knowledge by acquaintance and knowledge by description // Russell B. Mysticism and logic. And other essays. London, 1917.
- ST 1993 – Situation theory and its applications. V. 3. Menlo Park (CA), 1993.
- Vendler Z. 1967 – Linguistics in philosophy. Ithaca (NY), 1967.
- Wettstein H. 1991 – Has semantics rested on a mistake? And other essays. Stanford (CA), 1991.